

Всю жизнь мечтал жениться на царевне

1. Три письма

Барышня Лунный Блеск, дочь царевича Оу

Когда говорят «дочь царевича Оу» — это обо мне. Хотя, конечно, у меня множество сестёр, даже больше, чем братьев, точно не скажу, сколько. Но в батюшкином доме из дочерей сейчас живу только я, с тех пор как последняя сестрица вышла замуж и почему-то переселилась к супругу. А обещала остаться со мной! Так что теперь я утешаю её матушку, которая по дочке скучает.

А с моей собственной матерью всё загадочно. Когда была маленькая, я спрашивала у батюшки-царевича: где моя матушка? Он смеялся и говорил: я тебя в лесу отыскал, в бамбуковом стволе, и домой привёз. Сначала я даже верила, а потом поняла, что батюшку о таком спрашивать неприлично, а больше никто толком и не знает. Сама же я ничего не помню, всё-таки прошло уже двенадцать лет или больше.

Зато трое моих братьев живут в нашей же усадьбе, с жёнами и детьми. Если бы я переписывалась с какой-нибудь подругой, она бы мне написала: «Ах, как шумно должно быть в доме, где столько детей!» А я бы ответила: «Ах, у нас детей не слышно, их заглушают отцовские ученики!» Потому что вот этих молодых стихотворцев тут не трое и не десятеро, а много больше. Некоторые постоянно тут живут, а другие только приходят после службы и остаются на всю ночь. Можно ли улучшить хоть мгновение покоя, когда ты дочь лучшего песнопевца Облачной страны? Право, иногда подумаешь: лучше бы у батюшки был самый лучший почерк в Столице! Тогда бы только тушечницы скрипели и бумага шуршала. Но это не так.

Впрочем, красивый почерк батюшка-царевич тоже высоко ценит. Он вообще, как старый Государь, его дядя, для каждого находит доброе слово. Два года назад для этого появился новый повод: мне позволили получать послания от поклонников. Все их, конечно, батюшка предварительно сам читает и большинство потом передаёт мне с замечаниями: «Ничего не могу сказать о чувстве, но стихи отмечены веянием таланта», или «Стихи слабые, конечно, но рука — выше всяких похвал!» Та подруга, с которой мы бы переписывались, наверняка завидовала бы: насколько мой батюшка мягок, не давит, не навязывает мне выбора. И была бы права.

Сегодня письма принесли, а батюшка не зашёл — скажет только вечером, что о них думает. А сейчас занят: у него собралось всё его ведомство. Это ведомство создали нарочно, когда царевичу Оу поручили составлять Государев Изборник, и он всех людей туда сам подбирал. Трудятся над ним уже очень давно, всю мою жизнь; и Государь-то уже постриг принял, и нынешний Властитель Земель того и гляди собственный Изборник решит составить. Но совершенство не достигается в суете и спешке! А прочесть письма до отцовских замечаний иногда даже любопытнее.

Всего их пять, и два — совсем скучные, таких каждый месяц приносят по дюжине. Это письма на самом деле не от моих поклонников, а от батюшкиных — чтобы он обратил внимание на стихи и похвалил, а сочинителей продвинул. Поэтому всё кроме стихов там словно один человек писал, а стихи — сплошь такие, как у отцовских учеников, ими весь дом звенит. А три письма необычные, и каждое по-своему.

В одном вообще стихов нет! Так что царевич туда, может быть, вообще не заглядывал — а то, глядишь, и не пропустил бы ко мне. В самом деле, кавалер пишет прямо: «Увы, слог мой груб! Юность моя прошла на северном рубеже, вдали от цветов Столицы». Любопытно: давно ли прошла? Возраст по почерку я определять не умею. Самый мой старший поклонник доселе был из батюшкиных молодых дарований, втрое меня старше и редкостный зануда. Его я решительно отвергла, а тут подумаю. Ведь у этого незнакомца устремления-то достойные: переведённый в Столицу, хочет, как он выражается, пообтесаться, ищет смягчающего влияния. О таком меня ещё никто не просил!

Второе письмо, напротив, отправлено столичным чиновником. Бумага отменная, а почерк — приказный: крупно и чётко, без изящной небрежности. И пишет решительно: живу в предвкушении великих свершений, немыслимых без надёжной опоры в собственном доме; дерзко уповаю обрести лучшую супругу в Столице! Вот так — сразу и недвусмысленно, с ходу — свататься! Стихи его батюшка не похвалит, назовёт школярскими; зато этот юноша сегодня единственный, кто поименовал меня царевной. По дворцовой росписи оно, конечно, не так, но по сути-то верно! Я это с малых лет чувствую в глубине сердца.

Третье письмо — трогательное и немного непонятное. Как будто кавалер мне уже писал и получил отказ — хотя я бы помнила, наверно. Впрочем, ему мог ответить батюшка, или батюшкина супруга, а мне то первое послание — или послания? — даже не передали. А вот это дошло — недосмотрели! «Дело моё безнадёжное», пишет он, «потому не стану докучать сердечными излияниями, а обращусь к вещам обыденным. Недавно мне по службе довелось найти вот такой неизвестный мне предмет: прилагаю рисунок. Быть может, госпоже в детстве довелось играть чем-то подобным? Если так, не напишете ли, как оно работает?». На картинке — игрушка-растягушка: два конца, как у ножниц, и если ими двигать, то с другой стороны две куколочки сходятся и расходятся. Только непонятно, кто тут был вторым. Если бы лиса, то барсук, и они бы дрались. Если бы Пастух, то, конечно, Ткачиха, и они бы обнимались после разлуки. Здесь — какой-то чиновник с казенной дощечкой. А другая куколочка отломана. Кто там был? Изысканная дама? Разбойник с дубиной? Проситель с подношениями? Или это гадатель — тогда напротив него должен быть благовещий журавль или черепаха с письменами на панцире. Что за новый обычай — загадывать такие загадки жестокосердной барышне!

А в стихах и вправду ни слова о любовных чувствах — и вообще можно так понять, что они про игрушку, вот про этого одинокого человечка осенним вечером. Хорошие, кстати, стихи. Надо обдумать ответ.

Все три послания — по-своему дерзкие, но не оставляют равнодушной. И поскольку обсудить их с подружкой я не могу, то попросила нянюшку выяснить, кто их прислал. Заняло дело целых два дня, и за всё это время батюшка ни словом не обмолвился про письма. Может, и вправду он их не видел? Передали в глубокой тайне?

В конце концов выяснилось вот что. Первое письмо доставил оруженосец младшего воеводы из Чистополя, усатый, по виду — только-только с дальних рубежей. Я удивилась: но ведь, кажется, Чистопольский воевода — почтенный старец? Нет, говорит нянюшка, это его внук, молодой господин Киёхара, ему всего-то двадцать пятый год. Но слывёт бывалым воином и почтительным родичем, а в Столицу вернулся для поправки после ранения.

Кто принёс второе послание — нянюшка так и не смогла выяснить, зато узнала, кто его написал. Оказалось — делопроизводитель Полотняного приказа, сын того господина Наммы, искоренителя измен и злоупотреблений, о ком рассказывают столько страшного. Самому делопроизводителю нет и двадцати лет, но он принят при дворе, замечен Государем и, по слухам, докучает Властителю Земель непрошеными советами. Так что и письмо, видимо, принёс какой-нибудь неуволнимый приказный соглядатай!

А картинку прислал самый загадочный из всех трёх — и самый знатный, родич Государева дома и нашего тоже. Господин Касуми, помощник блюстителя кладовых наследника — а ведь там и впрямь должно храниться немало старинных игрушек! Правда, наследника у Государя пока нет, так что хлопот у этого Туманного господина немного. Лет ему двадцать или чуть более, слывет завзятым сердцеedom: двух дам почти добился, но внезапно покинул, с третьей, кажется, обменялся-таки клятвами, но она почему-то даже близким подругам не рассказывает, как всё прошло. Поистине таинственно!

И самое главное: ни один из этих троих не известен как стихотворец и ни разу, насколько знаю, у нас в доме не появлялся!

— Нянюшка, — говорю, — а что ты ещё о них можешь сказать?

— Уж и не знаю, — отвечает та. — Мне ли о таких господах судить...

— Хотелось бы разузнать о них побольше. Сразу видно, люди незаурядные!

— Я уж постараюсь, барышня моя Лунный Блеск, — кланяется нянюшка, — только это выйдет дело небыстрое, у меня и моей родни я в тех домах с ходу знакомцев не назову...

— Постой, — говорю, — придумала! Раз уж я и впрямь барышня Лунный Блеск, и нашли меня в бамбуковом стволе, то мне подобает, как в сказке, дать каждому из кавалеров по трудной задаче! Тут-то и будет видно, кто из них каков!

— Ох, барышня, добром ли та сказка кончилась?

— Ну, всё-таки задачи я не такие, как в сказке, придумаю. Не чтобы за море плыть или дворец бессмертных грабить. В конце концов, раз уж влюблённые пишут дочери царевича Оу, то правильно будет, если и испытания будут все связаны с песнями. И батюшка тут ничего возразить не захочет!

Только потом я подумала: как тоскливо будет ждать, пока они управятся с моими заданиями! Ну, что поделать. В любом случае это будет потом, а пока мне надо всех их увидеть и озадачить лично! Такое устроить — дело непростое, скучать не придётся...

2. Потерянная песня

Намма-младший из дома Асано, делопроизводитель Полотняного приказа

Всю жизнь мечтал жениться на царевне. Причин несколько. Во-первых, уж если есть у Властителя Земель родственница-девица, то добиваться кого-то другого было бы полумерой. Скажет мне супруга, что я, мол, такой-сякой, бессердечный, весь в делах и вообще выскочка, а я ей: зато ты предпочла мужа не знатнейшего, но достойнейшего! И пусть попробует возразить. Во-вторых, господин средний советник Намма мне такую невесту точно бы не сосватал. И даже господин распорядитель танцев Гээн, наставник мой в

светском вежестве; и, страшно молвить, сам глава дома Асано, кабы изволил озаботиться моею судьбой. Хочется-то жениться самому, не по указке. И в-третьих, по службе будет полезно: одно дело — когда Государь прислушивается к советам простого чиновника, и совсем другое — когда внемлет увещаниям родича по браку. Меньше будет пересудов.

И четвертая причина. Мечтал-то я давно, а теперь пришлось браться за дело срочно. Родители уже всерьёз обсуждают, с кем бы породниться через меня, и когда придут к согласию, меня уже не спросят. Я не стал дожидаться, явил дерзость и пролез в сад царевича. Удалось молодую госпожу увидеть в вечернем свете. Так вот: она красавица! И держится так, что ясно: слухи врут, будто она приёмная дочь. Встретил бы я её хоть в диких скалах, хоть на пустынном берегу, сразу бы понял: царевна!

Песни она, конечно, складывает гораздо лучше меня. Я уж попробовал послать ей китайские стихи. Мне кто-то ответил — надеюсь, не сама барышня Лунный Блеск, — во вкусе древних, всех намёков и отсылок я так и не разобрал. Вернулся к Облачной речи. Я так понимаю, песнями её не удивишь, так что важнее содержательная часть. Выбор был: описывать свои страдания, выражать восхищение или высказать уважение. Воздыхателей у неё и без меня хватает. Но я подумал: вот, положим, меня, скромного делопроизводителя, в родном доме считают за пустое место. Каково же девице из такой-то семьи, когда за неё всё решают? И не стал расписывать, насколько для меня важна её благосклонность, а сказал, почему важна. Отчаянный шаг, но робость пришлось отбросить.

Не знаю ещё, сработало или нет. Большой успех: барышня Лунный Блеск меня удостоила беседы в саду! Правда, среди бела дня, пришлось со службы отпрашиваться. Кто-то счёл бы провалом: раскрыт, известен теперь её няне и всем царевичевым домочадцам, если меня в итоге выставят, позор будет на всю Столицу. Оказалось, это хитрый ход: царевич службу свою несёт, не выходя из усадьбы, днём у него в саду толпами бродят стихотворцы, их друзья и родичи, я затесался меж них, и никто меня, кажется, не заметил. Благополучно добрался до крыльца, где за занавесом царевна. Я опасался, придётся сочинять прямо на месте, к случаю, но и без этого обошлось. Барышня сама заговорила, и голос у неё — чистый, как на обряде:

— Спору нет, устремления твои высоки. Ты ищешь опоры. Но можешь ли сам стать опорой? Я прослышала, какую службу ты несёшь. Она почётна, требует разума и сноровки. Посмотрим, сможешь ли ты найти то, чего ещё никому не удалось.

Зачитывает, словно из книжки:

— В старые времена один кавалер любил даму, но та от него скрылась. Родственники сказали, будто дама уехала в Серебристый Ключ, но не знали, где это. Он после долгих поисков нашёл то место и послал ей стихи:

*Ключ Серебристый искал я три месяца — вот он и найден!
Только замка твоего так и не смог отворить.*

Но она вновь его отвергла, и он вернулся в Столицу в печали.

И добавляет:

— Думается мне, рассказ этот оборван на половине. Не могла та женщина не ответить господину Хиромаро на такие строки. Но ответ её неизвестен. Разыщи его.

Не успел я согласиться, как за занавесом зашуршало — и никого там больше нет.

— Ха! — воскликнул господин Гээн, когда я ему рассказал. — Считай, она тебе отказала. Этой ответной песни нигде нет, её уже не первое десятилетие ищут. Сам царевич Оу отчаялся!

— Значит, — говорю, — от меня зависит, отказ это или нет. Царевич, бесспорно, лучший знаток словесности, но он не сыщик Полотняного приказа. Стыдно мне будет, если не попытаюсь.

— Так я ж не отговариваю. Я просто к тому, чтобы ты по книжкам не рылся. Посмотри старые подорожные: где на самом деле разъезжал Мимбу Хиромаро. Если вся эта история не выдумана, может, на месте что-то знают.

Стало быть, так. Первое: выяснить всё, что можно, про этого господина Мимбу Хиромаро. Что ещё он делал помимо того, что выигрывал песенные состязания. Раз он служил в ведомстве Народных дел, мог объездить всю страну. Второе: найти по спискам, сколько в шестидесяти шести землях Облачной державы мест, которые называются Серебристый Ключ, или назывались так семьдесят лет назад. Соотнести их с разъездами Хиромаро, может быть, часть отпадёт. И третье, самое неприятное: понять, под каким предлогом я выберусь из Столицы во все эти Ключи и сколько лет на это уйдёт.

На моё несчастье, господин Хиромаро не подозревался ни в измене, ни в казнокрадстве, готового дела на него в Приказе нет. Послужной список сохранился, но служебный дневник утерян, подробности пришлось собирать по крупицам. Зато хорошо известны его светские похождения в Столице и окрестностях, у мачехи моей целая роспись нашлась: скольким дамам он разбил сердце. Госпожа Намма подтверждает: ответная песня женщины из Серебристого Ключа утеряна, из какой семьи была та дама — есть только догадки, да и те противоречивые. Не из самых знатных, судя по всему.

По счастью, два Ключа сразу можно вычеркнуть: один из них в имении царевича Оу, другой в поместье одного его давнего ученика, оба названы уже в честь знаменитой песни, то есть нам не подходят. Но если так — не проследить ли нам заодно подорожные грамоты самого царевича? Куда он ездил по следам Хиромаро, если ездил, какие Ключи обследовал. Правда, не знаю, как тогда: оставить эти места напоследок или с них и начать? Всего Ключей восемь именно Серебристых, ещё четыре Серебряных, ещё есть Серебристая Криница, но она, наверное, ни при чём.

В Приказе имеются три дела. Одно — «О беспорядках у Серебристого Ключа», другое «О хищениях у Большого и Малого Серебряных Ключей». Про песни ни там, ни там речи нет, но много про рудники. И как мне рассказали опытные люди, добыча серебра — дело весьма грязное, уродует местность и портит нравы. Вопрос: дама бежала в какое-то подобное место, надеясь, что кавалер туда не сунется? Или просто по неведению? Или её Ключ к настоящему серебру отношения не имеет? Третье дело без «Ключа» в заглавии, довольно новое: в нём удел Серебристый Ключ и тамошнее семейство упоминаются как пострадавшие от неоднократного разграбления соседями. Это, увы, далеко на западе, в краю Цукуси, добираться туда морем, а потом по горам.

Но до чего досадно: с которого Ключа начать, за меня опять решил батюшка! Дело в том, что один Серебристый Ключ имеется в Приволье, сравнительно близко и по хорошей Восточной дороге — и именно в этот край в прошлое царствование сослан был средний советник Поверочного двора,

некий господин Тюхэн. За попустительство обвесу и обмеру в различных землях: заверял печатью двора поддельные мерные снасти. Уже и Поверочного двора-то нет — его слили с нашим Приказом, — а бедняга всё томился в изгнании. Повезло, конечно: иных за такие дела закатывали и в дальнюю ссылку, на пустынные острова, а Приволье гиблым краем никак не назовёшь. Но мягкость наказания не повод, чтобы длить его вечно. В нынешнем году вышло наконец помилование, и тут оказалось: доставить грамоту господину Тюхэну некому, кроме меня. Можно было, на самом деле, и уклониться, но я явил рвение.

Со мною отправляется рассыльный Бан, что означает: рвение моё показалось подозрительным. Бан, в общем-то, неплохой человек, но все знают, что он неустанно — и неуставно, сверх положенного! — отчитывается о каждом шаге своих товарищей по службе. Да не перед главою Полотняного приказа, что было бы обычным наушничеством, а хуже: перед самим господином Асано, главою нашего Конопляного дома. Зато, возможно, с нашим отъездом весь приказ вздохнёт с облегчением — и не из-за меня, а из-за Бана.

Перед отбытием я счёл своим долгом посетить с радостной новостью семью господина Тюхэна на Девятой улице. Живут они скромно, но в нищету и ничтожество не впали: он явно не единственный там служилый человек. Приятно быть добрым вестником! Меня прямо всего осыпали пожеланиями успешной дороги, даже попытались навязать ещё одного спутника — старого слугу, все эти годы тосковавшего в разлуке с господином.

— Не положено! — говорю, а тот вопиет пронзительно:

— Но как же? В ссылке, в глуши! Господин средний советник, небось, изнурил себя раскаянием! Пообносился! Я хоть платье ему отвезу, в каком не стыдно будет в Столицу вернуться... Да письма, что родня его не забыла...

Тут я понял, что сейчас нас с Баном навьючат такой кладью, что лошадям не свезти, и отказал наотрез. Удивило меня другое: любящие родственники, похоже, не часто переписывались с господином Тюхэном или слали ему гостинцы. По крайней мере, внятно ответить мне, где его можно найти в обширном Приволье, они не смогли или не пожелали. Ну да ничего, местные власти должны знать.

3. В Серебристом Ключе: Косой против Лысого

В деревне шумно. Те, кто поусерднее, в полях — сеют осенние бобы. Кто поленивее, собрались на подворье Косых. И сам Косой тут же, хоть и слывёт одним из самых работающих мужиков. Два года назад с дозволения господина уездного начальника расчистил целину, пни выкорчевал, камни убрал, засеял — лучший урожай в деревне был! И в этом году — тоже лучший. Сейчас стоит и плачет: даже чудно, что из таких косых глаза слёзы льются как из обычных.

Тут бы любой заплакал. Только привёл мужик на двор крепкого вола, только всем похвастался — а сейчас вол этот лежит дохлый, пасть и уши жёлто-бурые, из ноздрей — кровавая слизь. В пару дней насмерть сморило.

Около вола на корточках сидит коновал. Не местный — тот уже не справился, — а тот, которого привёл Дядька. Не дядя Косого, а, так сказать, общий Дядька. Он сам велел себя так величать — разве ослушаешься? Сам Дядька тоже здесь: росту вроде и не богатырского, но сейчас, когда рядом с ним толпятся ребяташки Косого, кажется выше. В подпоясанном кафтане, за

поясом — меч. На голове — цветастый платок, так что по причёске не понять: из господ он, из простых или и вовсе монах. Однако ни мужики, ни монахи таких сапог не носят. Таким сапогом убить можно, если умеючи. А Дядька умеет. С ним, кроме коновала, ещё двое то ли подручных, то ли охранников, как всегда — не разберёшь, кто эти Младшие Братцы.

— Ну и? — спрашивает Дядька. Коновал поднимает голову, поводит плечом:

— Ничего тут сделать нельзя было. Слишком много сожрал. Вон, кровь до сих пор жидкая, печень — наверняка на полбрюха разнесло.

— Слишком много — это сколько? И чего?

— Похоже, что крестовника. Ты, — поворачивается коновал к Косому, — где пас-то его, дурак? Скотовод начинающий...

— Только где можно, — поспешно отвечает тот, — В лесу да на опушке. И оглядывается, ища кого-то. Видимо, вот этого своего парнишку, кому и был доверен выпас.

— А поил где? — спрашивает коновал у мальчика.

— Да где ж как не на речке!

— Вот у речки разве что он и нажрался, — заключает коновал. — Хотя и странно, там столько не найти. К озеру точно не гонял?

— Далеко же!

— И сена оттуда не возил?

— Нет! Зачем бы? — отвечает хозяин.

— Ну — не повезло, значит.

Коновал разгибается, встаёт. Но Косой на него уже и не смотрит — если вообще можно сказать, на кого он когда глядит. Развернулся к Дядьке, кричит навзрыд:

— Так говорю ж — потравили!

— Потравили, значит, — кивает Дядька. — А кто?

Косой вроде бы растерялся. Но тут другой мальчонка, что рядом с Дядькой крутится, задирает голову:

— Так точно ж Лысый Таро! Чего его парень к нам на двор залез?

— Когда?

— Да вчера, рано-рано... Темно ещё было.

Сам Лысый Таро тоже тут, поглядеть пришёл. Стоял бы ближе к мальцу — точно ухо бы оторвал:

— Ты что несёшь? Чего мы тут у вас потеряли?

— Я сам видел!

Соседи зашумели было. Да? — оборачивается Дядька к ним.

— Все знают! — выступает вперёд бабка, та, что с восточного двора. — Вот нету у людей ни стыда, ни совести. Этот Лысый-то, он ещё когда говорил...

— Что я такого говорил, дура старая?

— А что ты...

И осеклась. Ей видно — а Лысому нет — как со стороны ворот деревенские расступаются, бьют поклоны. Пожаловал сам господин уездный начальник с писарем и охраной.

Дядька с ним учтиво раскланялся, посторонился. Пошёл перемолвиться с коновалом.

Господин у ворот и остановился. Смотрит, ждёт, не вмешивается.

— А как, — спрашивает Дядька у мальчика, — этот соседский малый выглядел? С пустыми руками, или, скажем, с ножом, с охапкой сена, с мешком или с чем? А может, с цветами, с гостинцем?

В толпе смеются. Парнишка задумался. Отвечает:

— Ножа я не видел. Мешка или чего — тоже. Разве за пазухой...

— Так он у меня всегда за пазуху держится. Вот хоть сейчас взгляните, — Лысый Таро тычет пальцем в своего работника. И точно: тот сунул руку за пазуху и чешется, хоть и не пристало так делать при начальстве.

Дядька спрашивает у него:

— И как, не было тебя тут давеча перед рассветом?

— Э-э...

— Да ты изволь понять, — встревает молодая баба, одна из невесток Лысого. — Девка у них, у Косых-то... Уж не знаю, твои молодцы к ней ходят ли, а наши... Считай, полдеревни!

— Ты...! — Косой, похоже, и про вола забыл.

— Да чего от Дяденьки скрывать...

— С цветами! Ишь, кавалер...

— Ни стыда, ни совести...

— Да ты сама-то, бабушка, в прошлые годы...

Так они ещё долго будут гомонить. Работник стоит весь красный, а один из Дядькиных людей выходит со двора. Уездный писарь его в воротах пропустил, чуть погодил — и двинулся следом.

В доме Косого, похоже, услышали, о чём речь. Оттуда слышится женский визг. Ну, конечно, самое время для воспитательных мер... Уездный начальник, господин Гингэн, морщится. Имея дело с народом Привольного края, необходимо набраться терпения. Как, должно быть, и с любым народом в Облачной стране.

Коновал отлучился к воловьему стойлу. Ищет там что-то на земле. Полезный человек — и за лекаря, и за грамотея, мог бы служить при уездной управе. Только вот выбрал другую сторону.

Впрочем, как знать: что за сторону представляют в нашем уезде этот вот Дядька и его шайка? Будь дело в Китае, о нём сказали бы: народный вождь, защитник бедняков. Из таких-то и выходят предводители мятежей, а порой и основатели новых царств. Но то — на материке. Наша же земля небедная, мирная, да и от моря далеко, чуждым веяниям мало подвержена. Что у нас делает этот летучий отряд, не сразу и объяснишь...

Но можно не сомневаться: если где-то назревает свара, он тут как тут.

Парень тем временем решил, кажется, признаться:

— Ну да... к ней... хотел... Только — не высвистал.

— Что я тебе, собака, что ли? — вопит кто-то из дома, не иначе, та самая девица. А мальчик дёргает Дядьку за полу кафтана:

— Не-а. Не свистал он. Прошёл вот так — и всё.

Вот так — это, между прочим, в сторону хлева.

В это время возвращается Дядькин спутник — голова в пыли, в руках малая торбочка. Подаёт почтительно. Дядька раскрыл, заглянул, понюхал, подозвал коновала. В торбе — пара щепотей какой-то трухи, серо-зелёной с жёлтым.

— Ну да, — кивает лекарь, — я ж говорил. Весной ещё сушено — видите, лепестки?

— Это что ж? — охает старушка. — Нынче такие гостинцы девкам носят?

— Да ты что, это не моё, — отзывается парень.

— Где ты это нашёл? — спрашивает Дядька своего молодца.

Тот кивает в сторону подворья Лысых.

— На балке лежало. Не место ему там, думаю. Прихватил.

— Хорошо, — кивает Дядька.

Замолчал, хмурится.

Не надо бы тебе, Таро по прозвищу Лысый, так головою вертеть. Каждому видно, что ты встревожился сейчас: высматриваешь, ходил ли к тебе вместе с головорезом из шайки кто-нибудь из людей уездного. Конечно, ходил: не хватало ещё пускать подобные дела на самотёк. Беззаконный обыск, да без свидетелей? Этак каждому подкинут: хоть яду, хоть покойника, хоть наместничью печать.

Господин Гингэн коротко глянул на писаря, тот как раз подоспел. Кивает.

Дядька вытряхнул в горсть траву из торбочки. Подходит к Лысому, суёт ему под нос. Вопросительно поводит бровью.

— Лекарство, — бормочет Таро, — Материно, недужит она...

Коновал хмыкает:

— Искусные же вы травники. Из дикого крестовника я бы, к примеру, доброе снадобье извлечь не взялся. Разве что в столичной Лекарской палате, на лучших снастях и по точнейшим росписям. Да и то...

— Почтительный сын, — соглашается Дядька. — Отведаешь сам? Как в древности царь китайский, кто матушку свою лично травами пользовал...

Таро зажмуривается, воротит нос.

— Ладно, — дядька бережно ссыпает отраву обратно в торбочку, завязывает, передает коновалу. Ну, ещё бы: пригодится! Тихо распорядился о чём-то. Оба его молодца двинулись на двор к Таро. И почти сразу оттуда донеслись крики, мычание, даже рёв.

— Ишь ты, — судачат односельчане, — до чего зависть-то доводит! У Лысого же своих волов четвёрка, и бык, и пара коров, а один соседский вол уже глаза колет!

— Ни стыда, ни совести...

Молодцы возвращаются с волон и телком, подводят к Дядьке. Тот говорит:

— Не думаю я, Таро Лысый, что тебя и впрямь зависть взяла. Скорее — досада. Но всяко это не повод губить живую тварь, хоть у монахов спроси. Это, — он кивает на вола, потом на Косого, — возмещение ущерба. А это, — похлопывает телка по загривку, — пеня.

Взвыв, Таро падает на колени, ползёт проворно — однако не к Дядьке и не к волу, а к уездному. Господин Гингэн, однако, ещё проворнее удаляется со своей свитой. Успел только бросить Дядьке:

— Пожалуй ко мне.

Полчаса спустя Дядькины люди с телком устроились во дворе дома уездного. Сам Гингэн с Дядькой сидят на крыльце, выпивают. Дочка уездного, скромная девица, подала на стол и поспешно удалилась в дом. Там в бумажной перегородке — дырочка: мало видно, зато всё слышно.

— Нехорошо выходит, — говорит господин Гингэн. — Завтра этот Лысый ко мне придёт жаловаться, что у него скот увели. О телке смолчит, а на Косого втрое напраслины возведёт. А мне разбираться.

— Ну так ты за это жалованье получаешь, — отвечает Дядька.

— Я как раз про это, в который уже раз. Может, и в последний. Сколько можно вот так, по-дикарски дела вести? Я в прошлом месяце был у наместника. Хоть господин Мино на тебя и в обиде, но попросись ты на службу — не отказал бы. А то дело ли: в одном уезде два начальника!

— Это у тебя один уезд. У меня же дел побольше.

— О других твоих делах я и знать не хочу. За них я не ответчик. А в моей земле надо бы тебе и честь знать.

— А я знаю. Если даже считать Серебристый Ключ — твоей землёй.

Господин Гингэн, похоже, хотел что-то сказать, но смолчал. Отхлебнул из чашечки. И выпил-то мало, а уже весь раздумянился.

— У нас с тобою, господин уездный, пока всё ладится, — добавляет Дядька. — Разладится — оба о том жалеть будем. Но ты — больше.

Встал, быстро поклонился — и с крыльца. Господин Гингэн фыркнул, вздохнул, но вслед гостю смотреть не стал — развернулся, глядит на двери собственного дома.

Барышня отсела от дырки в перегородке, нахмурилась. Не нравятся ей такие взгляды. Отец уже намекал: разбойнику этому, может, и не с руки просто поступить на казённую службу, а вот если они с уездным начальником породнятся... Барышня тогда и дослушать не пожелала, а господин Гингэн больше о том разговора не заводил. Только от того не легче. Сам этот Дядька на неё, можно сказать, и не смотрит, по счастью. Но, неровен час, разозлится он на батюшку, или наоборот, или, хуже того, лопнет терпение у господина наместника — и что тогда с нами со всеми будет? Разбойник жутковат, наместник страшен, да и отец порою... Плохо жить, когда всё время бояться приходится.

4. Из заметок и размышлений рассыльного Бана

В пятый день восьмого месяца, признанный благоприятным, отбыли из Столицы. Восточной дорогой двигались без задержек, согласно замышленному. Единственным затруднением представлялось следующее: г-н делопроизводитель выказал настоятельное пожелание посетить места сего края, прославленные в песнях. Удалось убедить отложить данное намерение. В девятый день того же месяца достигли земельной управы, наутро приняты были г-ном наместником.

С господином Мино мне удалось свидеться ещё вечером в день прибытия, без юного моего спутника. И радостно, и печально вновь представиться тому, кто знает тебя по лучшим временам — в памяти встают картины прошлого, и в то же время стыдно показаться в платье рассыльного! Господин наместник, однако же, блюдя осторожность, вёл себя сдержанно и давнего знакомого признать не пожелал — разумно, но горько! Письма я вручил, ответ был посулен через несколько дней. Изложил предварительно поручение г-на делопроизводителя. Г-н наместник выглядит здоровым и пополнел, но мне чудится тень тревоги на его челе.

Возникла нежданная заминка. Ссылный Тюхэн по управским записям числится проживающим в уезде Серебристый Ключ, куда мы и проследовали к немалой радости г-на делопроизводителя, ибо место сие воспето. В Серебристом, однако, Ключе г-н уездный начальник о таком ссыльном не ведает. Тот-де ежель и поступил, то в распоряжение предшественников его предшественника, а ко времени, когда в настоящую должность вступил г-н Гингэн, такового поселенца в уездных бумагах не значилось. Речи, надо заметить, на грани приличия, ибо местному уроженцу, каковым является г-н Гингэн, подобало бы знать дела родного уезда не по одним лишь грамотам,

но по опыту: иначе теряет смысл общепринятый обычай назначать на уездные должности лиц, происходящих из данного уезда.

Г-н делопроизводитель, однако же, не оскудел должным рвением, ибо Государево милосердие должно быть явлено так или иначе (его собственные слова). Потому решил: объехать хоть весь Серебристый Ключ, осмотреть подворья и хижины, расспросить больших и малых, но обнаружить помилованного! Г-н уездный начальник, как показалось, не выказал естественной радости по поводу такой настойчивости столичного посланника.

Два дальнейших дня, с двенадцатого по четырнадцатый, прошли в соответствии с сим замыслом, причём г-н делопроизводитель совмещал розыск с пиитическими восторгами, расспрашивая также и о старине мест. Согласно показаниям поселян, был обнаружен приют ссыльного — точнее говоря, хижина, отведённая якобы под его жительство двадцать лет назад. Пребывает в запустении уже не менее нескольких лет; до того, могу предположить, в ней незаконным образом варили брагу. В хижине был оставлен ярлык с указанием: буде г-н Тюхэн объявится, ему должно немедленно связаться с г-ном делопроизводителем. Засим продолжили розыски, не смущаясь случайными препонами. Смею предположить: — дело может затянуться более намеченного срока.

В подобных случаях мудро было бы ещё до отбытия провести гадание: пребывает ли помилованный и ныне в числе живых подданных? Однако времена сейчас таковы, что гадание могло бы быть рассмотрено как сомнение в исправности делопроизводства. Потому опасаюсь, что этим путём, каковой помог бы сберечь немало казённых средств, и далее пренебрегать будут.

Опирайтесь же на показания местных обывателей возможно лишь с превеликой осторожностью.

5. Ни стыда, ни совести

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Если вот это и есть пресловутый Серебристый Ключ, то очарование его сильно померкло со времён господина Хиромаро. Колодец как колодец, ничего особенного. Серебряных копеек поблизости нет, вода обычного цвета, свежая, но безвкусная. А память у поселян как-то странно избирательна. Например, царевича Оу либо его учеников-стихотворцев тут никто не видал. Ну, а просто: господ из Столицы, что спрашивали о песнях и преданиях, вроде меня? Был, говорят, один, давно уже, и сам песни слагал, только любопытствовал больше выпивкой и бабами. Да ты сам... И начинают: веселых заведений, мол, тут нет, но если угодно развлечься, то вот тебе на заметку сельские красавицы: дочка Косого, внучка Лядащего, а то и вдова Клеймёного ещё собою недурна... Она же и брагу варит, кстати. Вообще прозвания у них одно другого гаже.

Ссылный Тюхэн также запомнился урывками. Слезы проливал — да. На прощение надеялся, заверял, что невиновен — о, да! Крестьянских ребятишек учил грамоте — было дело. Где жил? Никто толком сказать не может. Кто и когда его в последний раз мог видеть? Разводят руками. Хоть кого-нибудь назовите, с кем он время проводил, из детей ли, из взрослых! Нашлось дитя. Я бы сказал, сейчас ему лет сорок, работает в кузнице;

грамоту позабыл, но наставника помнит: сердечный был человек... И куда, когда делся господин грамотей — никто не знает.

Уездный начальник мог бы и озаботиться учётом ссыльных! По его словам, он от меня будто бы вообще впервые про Тюхэна услышал. За последние годы никаких новых осуждённых сюда не присылали. А что до предшественников — так видел бы ты, мол, в каком состоянии я принял от них дела! Что ссыльный! Там половина податных дворов в грамотах не числилась. Или значилась не под теми именами, или не к тем угодыям приписана была. Кое-с-чем до сих пор нет ясности.

Когда уездный начальник Гингэн мне всё это заявил, рассыльный Бан заметил, как местный писарь поморщился лицом. Мы выбрали время перемолвиться с писарем наедине, я уж надеялся, он что-нибудь расскажет. Нет: только тарашил глаза да намекал, что мы сюда не иначе как с тайной целью прибыли, ибо кому нужен преступник двадцатилетней давности, да ещё и прощённый? Иное дело... Но кто или что составляет иное дело, Бан, может, и понял, а я нет.

Раздражает, когда твои сыскные навыки собрат по службе берётся совершенствовать без спросу. Прогуливаемся по деревне, видим каких-то двоих в простой одежде, но при оружии и едва ли спешащих по делу.

— Что можешь сказать об этих людях, господин делопроизводитель? — спрашивает Бан.

— Они не из уездной стражи, иначе одевались бы в казённое. Тут все в лицо друг дружку знают, ходить переодетыми смысла нет. Так что — разбойники, я думаю. Или пытаются сойти за таковых.

— Чем они заняты?

— Едва ли высматривают, кого бы ограбить. Держатся нагло, но не скрытно и не грозно. Предполагаю: ищут встречи с племянницей Хромого или как её там, иными словами, за выпивкой пришли. Или ещё за каким-то товаром.

— Блестяще, — отзывается Бан кисло. Но не объясняет, что я такого глупого сказал.

— А твои выводы, рассыльный?

— Мне по должности не положено выводы делать.

— И всё-таки?

— Как по-твоему, они здешние уроженцы?

Да, наверное. Хотя... Северян отличить легко, южан из-за Пролива ещё проще, у столичных особая повадка. А в здешних срединных землях я, по правде говоря, большой разницы не вижу между жителями Приволья и, допустим, Охвостья или Троеречья.

— Не знаю. А на твой взгляд?

— Думаю, пришлые. Но околачиваются тут уже давно. Зачем небогатым людям без казённой надобности скакать верхом? А эти — конники, по штанам видно. И я бы поспорил, лошади их где-то поблизости отдыхают. Эти-то уже вторые сутки как спешились.

— Но как ты это вычислил?

— А они и вчера за нами ходили. Приглядывались.

Так отчего бы вчера же со мною не поделиться подобным наблюдением?

Я, признаться, разозлился, остановил кого-то из местных, спросил об этих двоих. Один их не знает; другой предположил, что они племянники своего дядьки или вроде того; третий сказал, что готов выяснить, если его угостят, потому как всегда рад услужить столичному чиновнику. Почему бы,

думаю, и нет? Так что посетили вдову Клеймёного, та ему браги нацедила. Недурна она, может, и была — в ту пору, когда господина Тюхэна приговорили. Новый мой соглядатай выпил, утёрся, шепчет таинственно:

— Ты, господин, не иначе, ищешь хибару, где столичная особа бедовала?

— Допустим. А где это?

— Так я объясню...

И описал. Если бы я кого заманивал в засаду — примерно такое же место выбрал бы. Но вдруг не врёт? Достал из клади лук и стрелы, отправился посмотреть. Это в лесу, не очень далеко от опушки, в полудне ходьбы от деревенских полей. Действительно: стоит ветхая хижина, явно нежилая. Похожа на ту, где мы уже были и где Бан учуял запах браги. Крыша дырявая, утварь растащена. Никаких примет, чтобы тут в последние годы обитал Тюхэн.

Выхожу — а навстречу старушка. Опрятная, скромная, выглядит безобидно. Спросил её о ссыльном Тюхэне — не знает такого. Заговорил о господине Хиромаро — лицом просветлела:

— Радость-то какая! Сколько ждала, сколько слёз пролила! Сколько насмешек вынесла — знала, что вернёшься ты, господин!

— Ээ, почтенная...

— Слово и не было тех лет — ты по-прежнему молод да пригож! Видно, правду говорят: ноги несут по делу, сердце зовёт по совести!

И глядит на меня искоса, словно бы с изящным лукавством, если бы можно было такое сказать о деревенской бабке лет девяноста. Бан за плечом у меня хихикает, а сам я, честно говоря, поддался: уж не повезло ли мне, не нашёл ли я саму ту деву, что морочила голову господину Мимбу? По годам вроде как подходит...

Решил проверить. Читаю бессмертные строки про Серебристый Ключ. Старуха в ответ:

— Ну вот... Я-то думала, ты что новое сочинить успел...

Нет! Не иссякли Ключа Серебристого горькие слёзы!

Где ты покинул любовь, там же её и ищи!

Развернулась сердито и засемила прочь, бурчит только:

— Каким был, таким и остался: ни стыда, ни совести...

Хотел я было её догнать, да тут меня рассыльный за рукав трогает:

— Господин делопроизводитель! Не сомневаюсь, что полоумная старуха — это любопытно, но не более ли достойны внимания вооруженные всадники?

Тьфу ты, значит, всё-таки засада! Поворачиваюсь — и впрямь верховые, четверо. Правда, при оружии только двое.

Один — бравый молодец, в седле сидит как влитой, платье на нём дорожное, у седла лук, за спиной колчан, и сдаётся мне — он до колчана, если возникнет нужда, быстрее дотянется, чем я до своего. Другой — постарше, усатый и росту богатырского, тоже при луке и при мече; в колчане разные стрелы, и боевые, и вестовые, и разрывные, и каких я вживую, не на рисунках, раньше не видал. Сбоку — и вовсе жуткая штука: на верёвке крюк о четырех когтях, что называется медвежьей лапой.

— Вон он, господин! — говорит хрипло.

Спутники их выглядят не столь грозно. Третий всадник явно человек мирный, моих примерно лет, а на лошади держится даже похуже меня.

Правда, сама лошадь — из дорогих, едва ли не из дворцовой конюшни. И вообще выглядит он очень прилично: одет нарядно, набелён, свеж и улыбается. Четвёртый держится поодаль — без оружия, у седла короб, за седлом тук, а за плечами мешок.

— Позвольте осведомиться, — учтиво молвит нарядный, — уж не посчастливилось ли нам после долгих поисков встретить наконец господина Намму из Конопляного дома, делопроизводителя Полотняного приказа?

— Так негоже, — прерывает его первый всадник, — прежде чем так спрашивать, подобает назваться самим.

Бан крикает. Да я и сам знаю: звучит это очень похоже на боевой вызов.

6. Соперники

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

— Я младший воевода Киёхара из Чистополя, что в Северном краю, служилый родич Полынного дома, — продолжает воин, спешившись. — Со мною мой дружинник Ёри.

Тот коротко кланяется. Нагруженный малый кое-как сползает с коня, помогает слезть нарядному. Тот отряхивается, отвешивает придворный поклон:

— Помощник блюстителя кладовых во дворце наследника, Касуми из Туманной родни Облачного дома. А это мой незаменимый Кёгэн.

— Кёгэн Киго, к вашим услугам, — подтверждает человек с мешком.

Ничего не остаётся: мы тоже называемся.

— Едва вас не потеряли, — говорит Киёхара. — Прибыли сегодня, спрашиваем о господах из Полотняного приказа, мужики отвечают: изволили, мол, сгинуть в лесу.

Ну, это мы ещё посмотрим, кто тут сгинет!

И про младшего Чистопольского воеводу, и про Касуми из наследничьего дворца я в Столице слышал. Видел ли вот эти лица, не уверен. Но Киёхара, если это вправду он, не так давно переведён ко двору, а Туманный господин — слишком знатная особа, чтобы мне с ним по службе видеться.

— Низко было бы с нашей стороны не поспешить на выручку, — молвит Касуми. — Мы же все трое теперь соперники...

Ох, то есть они... Нет, не понимаю!

— О каком соперничестве господин помощник блюстителя кладовых изволит вести речь?

Киёхара мрачнеет ещё больше:

— Так. Вот глупо выйдет, если тут недоразумение.

— Разрешите? — встревает Кёгэн. — Ошибкой ли будет доверять слухам, что гласят, будто некая, не станем её называть, прекрасная юная дама назначила господину делопроизводителю некое, условно выражаясь, испытание?

— Чем мне нравится твой парень, — говорит Чистополец Туманному, — так это умением высказаться прямо.

Такого я не ожидал.

— Допустим, — говорю. — Значит ли это, что господа намерены мне препятствовать?

— За ответом на этот вопрос мы и прискакали. Всё зависит от того, совпадает ли твоё испытание с одним из наших.

Вот оно что? Они, получается, мои соперники в любви?

Всё-таки она настоящая царица! Всем поклонникам дала задания, одно другого сложнее?

— Затрудняюсь сказать, пока ваши испытания мне неизвестны.

— Справедливо, — говорит Киёхара. — Мы тебя нагнали, нам первыми и подобает открыться. Что до меня, то я ищу Сеть-траву. Есть песня: «Сетью-травую тропа замуравела к милому дому...»

— Понимаю, кажется. По книгам трава известна, а как она выглядит, я, например, не знаю.

— И никто не знает, — заверяет Кёгэн. — Господин воевода должен её найти не в стихах, но в полях, лесах или где она прозябает, выкопать и доставить госпоже. Желательно, живую, чтобы развести её в саду царевича, песнопевца нашего.

На кого Киёхара меньше всего похож, так это на травника. Значит ли это, что я столь же мало напоминаю сыщика?

— Моё задание иного свойства, — говорит Туманный господин. — Разыскать человека, сложившего вот эти строки:

*Птица Столицы, лишь ночь ночевала ты в зарослях этих.
Что ты с собой принесла, что ты с собой унесёшь?*

Кёгэн продолжает:

— Песня недавняя, возможно, сочинительница ещё жива. Или живы те, кто помнит её. Но ни имени, ни места мы не знаем, слышали только, что где-то близ Восточной дороги.

Тоже хорошо! Не думаю, что помощник блюстителя кладовых прежде ездил по стране. И песня — явно не тот ответ господину Мимбу, который я ищу. А раз так, могу рассказать свою задачу.

Выслушали. Переглянулись. Господин Касуми говорит:

— Стало быть, как и предполагал младший воевода, нам незачем мешать друг другу. Напротив, лучше объединиться. Досадно будет, если каждый из нас узнает ответ не на свою, а на чужую загадку, и эта разгадка так и останется неизвестной.

— А кроме того, меньше будет потом упрёков. Каждый сможет подтвердить, что двое других действовали по-честному.

Пока не вижу подвоха, хоть у этого Кёгэна рожа и хитрая.

В сказках женихи путешествуют врозь и все жульничают, а царица потом их стыдит. Всех, кроме последнего, понятное дело.

— Что ж, — отвечаю, — предложение ваше, господа, звучит разумно и почётно. Готов сотрудничать.

— Господин делопроизводитель, — в первый раз подаёт голос Бан. — Возможно, молодым господам стоит учитывать, что вы здесь не только по сердечному делу, но и по служебному.

Пришлось подтвердить. Заодно спросил, как с этим обстоят дела у моих соперников.

— Я пока числюсь в отпуску по ранению, — говорит воевода. — Дед мой счёл, что это подходящее время для устройства семейных дел.

И верно: когда Киёхара спешился, стало заметно, что он хромотает.

— А я, вынужден признаться, прогуливаю службу, — улыбается Туманный господин. — Но смею надеяться, это мне простится, ибо во дворце

наследника сейчас немного хлопот. И по крайней мере в ближайшие несколько месяцев их не прибавится.

Ну да, наследника-то нет...

— А кстати, пока вы искали меня, — пользуюсь я случаем, — не довелось ли вам что-нибудь услышать о некоем Тюхэне, отбывающем в этом краю ссылку?

Занятно, как они переглядываются: сперва каждый со своим челядинцем, потом друг с другом, а челядинцы между собой.

— Вроде бы нет, — говорит воин, и помощник блюстителя кладовых тоже качает головой. Кёгэн осведомляется:

— Осмелюсь спросить — а как он выглядит? То есть, понимаете ли, слышать о таком господине мне не довелось, но могло сложиться так, что он встречался нам, с позволения сказать, воочию. И скрывал свою личность, стыдясь позора, не ведая о прощении.

Между прочим, об этом мне стоило подумать ещё в Столице! Гляжу на Бана — тот отмалчивается с видом, что сыщик, то есть я, должен учиться на собственных ошибках. Пришлось признать, что мне внешность ссыльного неведома.

— Будем иметь в виду, — говорит Киёхара. — Услышим о таком — скажем.

Я, со своей стороны, заверил, что старуха, с которой я расстался на их глазах, птицу Столицы или песни о ней не упоминала. Пока, по крайней мере. Вообще же она, хоть и не в здравом рассудке, но может оказаться сведущей в стихах.

— Какая старуха? — спрашивает подозрительно дружинник Ёри. — Не было никакой старухи!

— Видимо, мы просто подъехали позже, — умиротворяюще отвечает Чистополец.

Вот всем хорош как спутник рассыльный Бан, если бы не его привычка многозначительно крякать то и дело!

Ёри, кажется, этим объяснением не удовлетворился. Обыскал хижину и окрестности. Но никого не обнаружил и вернулся. А там и все мы вшестером двинулись обратно в Серебристый Ключ.

По дороге вели учтивую беседу. И вот что занятно: оба мои соперника, конечно, отзываются о царевне с великим почтением и восхищением. Но сдаётся мне, личной встречи она удостоила только меня. Воевода точно своё задание получил письмом, и даже не сам, кажется, а через деда. А с Касуми я не понял, может быть, он просто скрытен; но болтливый спутник его о таком свидании тоже ни словом не обмолвился.

Мы с Баном обосновались при уездной управе; теперь получилось так, что господину Гингэну пришлось предложить гостеприимство и воеводе с помощником блюстителя. Хотел бы я уметь принимать удары судьбы со столь же невозмутимым видом!

7. В Серебристом Ключе: отец и дочь

Уездному начальнику всё происходящее не по душе. Один столичный чиновник — уже неприятно, но трое! И кто из них опасней, не разберёшь. Если они вообще не заодно. Встретились якобы случайно, а на следующий день уже — не разлей вода... Один — по гласной казённой надобности, а двое других зачем прибыли?

Военный из Полынников расспрашивал про дикорастущие травы — то ли для отвода глаз, то ли это иносказание, которое господину Гингэну подобало понять с полуслова. Уездный, разумеется, ничего внятного не сказал — ибо отвечать определённно на непонятный вопрос всегда оказывается себе дороже. Какою бы колючею сетью ни был опутан Привольный край, обсуждать это с чужаком он не станет. По крайней мере, пока не увидит предписание с печатью от Военной палаты. Да и тогда подумает. Хотя беглых войсковых в отряде у Дядьки не заметить трудно...

Другой, дворцовый вельможа, любопытствует примерно теми же временами, что и Полотняный чиновник. Пятнадцать-двадцать лет назад, когда Гингэн ещё не принял должность. Только ищет эта особа не ссыльного, а даму. Связаны ли один с другой? Не говорят.

Но из троих мальчишек неприятнее всех самый юный, который как раз с несуществующим ссыльным разбирается. С одной стороны — всё вроде бы правильно: на то и создан Полотняный приказ, чтобы Государевы указы составлять и развозить, в том числе и о помилованиях. Но с другой — все знают, что этим занимается первый отдел Приказа, а второй — ведёт расследования по делам крамолы, вредительства и лихоимства. А юный Намма этот — сынок как раз главы второго отдела, потому, видать, в столь молодые года и продвинулся в делопроизводители...

И что особенно тревожно — он же не прямо в Серебристый Ключ пожаловал, а перед тем посетил господина наместника. То есть в земельной управе считают, что существует такой ссыльный Тюхэн. Или вид делают, понимая, что поиски ссыльного — лишь прикрытие. Конечно, если взглянуть державным взором, Полотняному приказу давно пора обеспокоиться происходящим в Приволье. И даже можно понять, почему наместник столичного сыщика направил именно сюда, в Серебристый. Но это значит — господин Мино без колебаний сдаёт вернейшего своего человека, Гингэна? Как местные любят отмечать, ни стыда, ни совести!

Или всё дело в том, что последний раз на приёме у господина Мино Гингэн слишком резко, так сказать, выразил свою преданность, слишком решительно настаивал на крайних мерах? И тем самым стал неудобен? Или напротив — именно терпимость наместника к кому не надо дала повод Столице вмешаться в здешние дела?

Или дело всё же и впрямь в ссыльном?

Всюду, где возможно, уездный начальник всегда полагался на прямоту и честность. Вот и в этот раз открыто заявил Полотняному чиновнику: преступника Тюхэна не видел, ничего о нём не знаю, бумаги о его поселении либо утеряны, либо вовсе до Серебристого Ключа не дошли. И, конечно, случилось то, что нередко бывает, коли следуешь прямой стезёю: столичный посланник даже не попытался недоверие скрыть ради приличий.

Хуже всего, если ссыльный таки был — и перестал быть, ещё при каком-то из прошлых уездных начальников. И если теперь всплывут свидетельства того, как именно он сгинул. А доказать, что ты не уничтожил письменных свидетельств чего-либо — дело почти немислимое.

Полотняный чиновник не может не знать: если осужденного определяют на жительство в такую-то местность, выбор делается на одном из трёх оснований. Первое: чтобы поплатился за злодеяния, страдая от голода, холода и непосильного труда; всё это не наш случай, у нас не дикий остров и не каторга. Второе: чтобы за негодяем смотрели местные его родичи. Даже невеликий человек, кого невозможно сослать в имение — ибо имения нет, — всегда доводится кому-нибудь младшей роднёю, и часто именно на

старший род и возлагают заботу о непутёвом. Но тогда чиновник с помилованием ехал бы сразу к одной родне и не морочил голову уездному. По-разному бывает: например, родичи ссыльного взяли да наказали по-семейному, так что и могилки предъявить не могут... Но хотя бы известно было бы, которая это семья, какое поместье. А никаких подобных указаний делопроизводителю в Столице не дали. Или он сам их замалчивает — но почему? Юноша из Конопляного дома. Могучий род, из самых сильных в Облачной стране, только вот в Приволье, так уж вышло, его имений нету.

Третий случай: самый неприятный и наиболее вероятный. Бывает, ближе родных у человека — некий покровитель, по службе уж или по дружбе. Тогда ссылают под его руку и под его ответственность. Могли Тюхэна пристроить к позапрошлому наместнику Приволья? Могли, только где теперь тот наместник... К одному из людей, начальствовавших в Серебристом Ключе до Гингэна? Тоже могли, только где теперь те люди...

Многое сложилось бы иначе, кабы Гингэн, по старинному обыкновению, где родился, там и пригодился. Кабы вслед за дедом и отцом служил безвылазно в Серебристом Ключе. Но — нет: потратил сначала несколько лет в земельном училище, потом, раз уж выучился, служил то там, то сям, вернулся домой пять лет назад — и увидел, что слишком многое пропустил. Дядьку, например, и кабы его одного...

Но уж теперь придётся вести себя в соответствии со сказанным. И добиваться ясности от господина наместника.

— Писарь!

— Чего изволит господин уездный?

— Письмо, в земельную управу. Запрос по поводу этого Тюхэна.

Дочь господина Гингэна рассеянно слушает из-за перегородки, как отец диктует письмо. Значит, таинственный ссыльный и впрямь потерялся — а отец подозревает, что его и вовсе не было, и он — только повод для столичных молодых господ тут всё разнюхивать. Может, и так: ни о каком Тюхэне барышня никогда не слыхала. Но кое-что не сходится. Если прикрытие для столичных соглядатаев — поиски ссыльного, то зачем им ещё и песнями прикрываться, причём разными? Барышня слыхала, как они эти песни между собой поминали и управских служащих расспрашивали. Ясно, что господину уездному о том тоже доложили. Так почему сыщики — если они сыщики — не явились сюда просто как любители старинных песен? Сели бы у колодезя, обменивались стихами, потом обошли бы округу с расспросами: не помнит ли кто здесь ещё каких строк господина Мимбу, сокрытых доселе в глуши, ускользнувших от столичных поклонников? Вполне бы вышло убедительно без всякого господина Тюхэна — о котором, кстати, даже не было упомянуто, что он стихотворец или ценитель.

Но, может быть, для них как раз главное — песни, а ссыльный — досадная помеха? Тоже едва ли. Настоящие любители старинных строк за сутки уже, наверное, десятки песен привели бы, разных, схожих либо различных с теми, с которых начали. А эти господа обходятся тремя, повторяют их на разные лады — и, кстати, не похоже, чтобы кому-то из них эти песни так уж безумно нравились бы...

Господин Гингэн за перегородкой закончил с письмом, писарь прошуршал к себе в закуток. Хотелось бы знать: отец искренне недоумевает насчёт этого Тюхэна или притворяется перед начальством? А самого ссыльного уже давно закопали где-нибудь в лесу — или управские люди, или разбойники. Очень возможно: человек нездешний, увидел что-то странное,

удивился, начал неуместные вопросы задавать... Вон, хватились-то его только через много лет!

Трое нынешних столичных гостей тоже, конечно, удивляются и расспрашивают. Но от них так просто не избавишься: у одного Государев указ, другой и сам бывалый воин, и в телохранителях у него громила, какого и среди разбойников поискать... Да и жаль было бы: все трое молоды, хороши собою, влюблены или по крайней мере притворяются влюблёнными...

Нехорошо! Судачили бы так про сестру кого-нибудь из них — что, понравилось бы? Обсуждают втроём одну барышню, якобы в лестных словах, да так, что вся наша управа уже про неё знает.

Помнится, матушка покойная говаривала: «Удзико, подрастёшь — не верь столичным кавалерам: они любить не умеют, в любовь только играют!» А батюшка улыбался, лестно ему было: он-то не из таких! Вот и эти трое — явно играют, будто бы влюблены в одну даму. Но здесь же на Столица, а Серебристый Ключ, глухомань — зачем? Или это они по родным местам скучают? Опять же, самый видный из них, господин Киёхара — сразу заметно, что он человек прямой и даже в игре ему притворяться несподручно. Потому и показывает, что, мол, сам он о той даме и не подумал бы, да — дед женить его хочет! И это, может, как раз и правда, потому что выглядит он бесхитростным воином, даже лицо такое мужественное и прямоугольное. Но тогда оба других — тот, что с круглым лицом и тот, что с острым, — играют нечестно: у них-то любовь явно выдуманная, а прикидываются, что настоящая. То есть они воину врут, а он им — нет. Или тоже врёт? Жаль, если так.

Писарь перебелил послание — долго он что-то возился, за это время ещё пару писем таких можно бы написать, — отдал господину уездному, тот кликнул гонца: «В земельную управу, срочно!» — «Будет исполнено!»

Круглолицый, если судить по их ночному разговору, играет увлечённое всех — может, чтобы отвлечься от своего дела со ссыльным, тоже ведь должен понимать, что плохо у него складывается с Государевым поручением. А третий, весь из себя такой изящный, любезный, но холодный, и правда похож на столичных кавалеров из матушкиных рассказов. Неприятный господин! Отец говорит — большая особа, чуть ли не государева родня... Что такому-то здесь надо? Его, если что, съедят — он и не заметит.

Хорошо всё-таки, наверное, жить в Столице, если там главная опасность — любовное разочарование. Встаёшь утром — и не боишься, что тебя или родных твоих до вечера зарежут, подожгут или схватят за измену. Господа ходят на свою дворцовую службу, дамы — друг к дружке в гости, потолковать: кого в будущем году на какую должность продвинут, какой узор на каком наряде зимою носить будут первые красавицы, у кого дети в Училище как успевают... Жизнь ясная, красивая, простая — как на картинке!

Гонец, в отличие от писаря, не мешкал — четверти часа не прошло, а уже копыта загремели прочь с подворья... Подозрительно как-то загремели...

— Батюшка! Он что, мою лошадь взял?

Младший воевода Киёхара с изумлением смотрит на девицу, влетевшую на конюшню, где он чистит своего коня: сам, не поручая дружиннику. Вбежала, не отдышавшись, бросилась к стойлу с рыжей лошадей, облегчённо выдохнула:

— Хвала богам путевым — ослышалась! Рыжая на месте...

Заметила столичного гостя, ойкнула, поклонилась и исчезла. Молодой Чистопольский господин проводил её взглядом. Недальний от Столицы край,

не порубежье какое — а дочка уездного верхом ездит и свою лошадь держит? Любопытно...

8. Белая яшма

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Я к своим соперникам враждебности не чувствую, хоть, может, и зря. Но вот что заметно: о чувствах своих ни Киёхара, ни Касуми почти не говорят. И это — влюблённые? Господин Мимбу Хиромаро, кабы нас послушал, наверно, заплакал бы: очерствела молодёжь! И я, чтоб дураком не выглядеть, тоже о любви особо не распространяюсь. Задал было вопрос, когда мы вечером сидели за брагой: а кто из нас какие себе свершения наметил в будущем? Если сложится удачно, брак окажется счастливым и всё такое. Чистополец ответил: останусь служить в Столице, при деде, охранять кого-нибудь из старших Полинников, а может, и Дворец сторожить. Судя по голосу, не очень-то ему этого хочется. По чинам так продвинуться можно, но славу воинскую снискать — труднее, чем на дальних рубежах. Или уж всё должно сложиться совсем скверно, чтобы в Столице потребовалась боевая сила. Туманный и вовсе отмолчался: всё, мол, в мире зыбко, и мечты о будущем подобны письменам на воде... А потом спросил:

— Как вы думаете: почему барышня Лунный Блеск задала каждому из нас именно такую задачу?

Хороший вопрос! Подбирала царевна каждому такое дело, с каким он точно не справится? Или в каком раскроется с наилучшей стороны? Или кому — как? В последнем случае получилось бы любопытнее всего, если бы только я понимал: кому из нас она подыгрывает?

— Я тоже об этом думал, — говорит неожиданно Киёхара. — Но ничего не придумал. Разве что так: кто не из Столицы, тот будто бы целый мир повидал, знает все травы и деревья, даже заморские. А ведь я что знаю? Луга для коней, заросли для засад, да и то больше в нашем пограничье — и только. Ну, вот в последнее время мне ещё лекарь надавал всяких трав, но Сеть-травой раны не лечат. И лошадей ею не кормят.

— Столичной птицей можно было бы считать меня, — задумчиво молвит Касуми. — Но здесь, в Приволье, так могли бы назвать любого из нас.

— Может быть, — говорю, — дело не в самих песнях, а в преданиях о том, как их сложили?

И тут Ёри подпрыгнул на месте. Глянул на Чистопольца, тот кивает.

— Точно! — говорит Ёри мне. — Ты, господин, из Полотняных. По части злодейства.

— Ты имеешь в виду, что господин Хиромаро...

— Ту даму утопил. Не снеся отказа.

— Прямо в Серебристый Ключ кинул вниз головой, — поддакивает Бан. Издеваетесь, что ли? Ну, погодите!

— Так, пожалуй, рассуждал бы батюшка мой, сыщик Намма. А какие преступления скрываются за остальными двумя песнями? Вот, к примеру: отчего дорога может замураветь? Понятно: если в дом никто не ходит.

— Или из дому, — мрачно кивает Киёхара. — А я и не понимал, что это такая грустная песня. Не про то, что кавалер с дамой расстались, а про то, что её семью всю вырезали.

— Тогда мне легче, — кривовато улыбается Касуми. — «Что ты с собой унесёшь...», больше похоже всё-таки на хищение, нежели на убийство.

— Что-то похитили, а что-то подкинули, — соглашается Бан. — Но своеобразный же надобно иметь настрой ума...

Но я хотя бы могу не сомневаться: если кто-то этак над нами троими подшутил — то всяко не без соучастия царевны.

— А ты что скажешь, Кёгэн? Что-то ты сегодня молчалив.

Я до сих пор не понимаю, кто он такой при Туманном господине. Слуга? Воспитатель? Соглядатай от старших родичей? Держится Касуми с ним скорее учтиво, но это может говорить об утончённости самого помощника блюстителя кладовых, а не о важности особы Кёгэна.

— Два опасения смущали меня, — говорит Кёгэн. — Во-первых, я боялся показаться многословным. Во-вторых, не уверен был, что рассказ мой придётся кстати. Но раз вы настаиваете, я готов поведать об одном поучительном случае. Итак: при котором из государей то было? Пожалуй, этот вопрос лучше оставим в стороне. Жил в ту пору некий господин, назову его Имярек. И был у него верный человек, обозначу его как Служилого. А ещё в ту пору прославился другой достойный муж, не чуждый благородного честолюбия. Его да будем мы именовать Счастливецом, а почему, станет ясно из дальнейшего. Жил он привольно и широко, наслаждаясь достатком, в кругу обширной семьи. Счастье же, как известно...

— Недолговечно, подобно пузырям на рисовой каше? — подсказывает Бан.

— Счастье, хотел бы я, с вашего позволения, сказать, не подкрадывается исподтишка, но посылает прежде себя верные знамения. И вот случилось так, что отправился Служилый по поручению Имярека в тот край, где обосновался в своём имении Счастливец. А навстречу ему...

— Разбойник с большой дубиной?

— Отнюдь нет. Ежели то и был разбойник, то без дубины, одет как бедный крестьянин. И говорит: не купишь ли, добрый человек, диковинку? Разворачивает грязную тряпицу, Служилый посмотрел, а там — сияющая белая яшма весом почти с гуся! Редчайшее сокровище! «Дрянь, а не диковинка», — молвит Служилый. Но всё же соглашается купить камень за мерку риса. И задумывается: яшма эта из тех, за какие в старину отдавали целые крепости со всеми складами. Что же мне с нею делать? Себе оставить? Не по чину мне, только беду навлеку.

— Разбить? Но вот вопрос: чем? Или: обо что?

Рассыльный, кажется, всерьёз решил Кёгэна разозлить. Но тот пока невозмутим:

— Думает Служилый дальше. Преподнести сокровище господину моему Имяреку? Тот примет, меня за усердие похвалит, тем дело и ограничится. А может, вручить её здешнему помещику, господину Счастлиvcу? Ему я ничем не обязан, а сам его обяжу, он меня отблагодарит повесомее: и деньгами, и припасами, и покровительством. Так и сделал. Никак не решусь назвать такой поступок примером преданности.

— А счастливец чего? — спрашивает Ёри.

— Принял сокровище, Служилого обласкал, отвесил ему серебра, дал коня со всею сбруей. И отпустил. А сам отправился в Столицу, к Государю. Времена же...

— ...изменчивы: приходят и уходят, подобно чирьям на заднице?

— Изволишь сам рассказывать дальше? — спрашивает Кёгэн. Бан отмахивается: молчу, дескать, молчу.

— На чём я остановился, когда меня сбили? Ах, да: времена тогда в мире настали тревожные. Надобно знать, что незадолго перед тем некие

злодеи ограбили Государеву казну. Предерзкое, нечестивое деяние! И вот, представ при дворе, Счастливец спрашивает у Государя: не этот ли камень покинул должное своё место? И подаёт ту самую яшму. Сперва Государь обрадовался. Яшму велел вернуть в сокровищницу, Счастливец приблизил к себе, пожаловал высокой должностью. Так что впредь мы будем называть его Сановник. А потом как-то раз спрашивает: скажи, а где ты разыскал мою пропажу? Преступно кривить душою перед Государем: Сановник рассказал всё как было. Как я уже упоминал, времена тогда настали беспокойные, и для Имярека они стали и вовсе грозны. Долго он оправдывался, долго доказывал свою непричастность к злодеянию. Ибо что Сановник от Служилого камень получил, признали достоверным, а вот что Служилый его у крестьянина выменял за бесценок — в том усомнились. Государь омрачён подозрениями, господин Имярек в отчаянье, Служилый начинает понимать: чего доброго, я сейчас за всё окажусь в ответе. Бросился к Сановнику: молю, говорит, о защите! А тот ему: ты свою награду получил, седлай коня и поезжай, куда хочешь.

Бан, как и обещал, больше не перебивает. Но лицо у него кислое стало. Я спрашиваю: и чем же дело кончилось?

— Рад заметить: кончилось всё благополучно! Истинных воров Государевы сыщики обнаружили, Имярек отделался несколькими бессонными ночами, а Сановник процветал, хотя и не знаю, женился ли он на царевне. А вот куда ускакал Служилый — о том, увы, ничего не рассказывают.

Если всё это как-то связано с загадками барышни Лунный Блеск, то связь эта выше моего разумения. Да и от Киёхары и Касуми она, похоже, ускользнула.

Вскоре мы уже разошлись спать. А ночью просыпаюсь и замечаю: Бана нет. Нашёл я его на крыльце, он сидел, словно ждал кого-то, ёжился от холода. Я вмешиваться не стал, ещё пару раз выглянул — но к нему так никто и не пришёл.

9. Отшельник

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Что мне показалось необычным в Серебристом Ключе — так это то, что тут очень мало монахов. Точнее, я пока ни одного не встретил. Спросил у уездного начальника.

— Храм, — говорит, — у нас есть, и не бедствует. Но вот монах там и впрямь всего один: можно сказать, отшельник. Потому, возможно, и не бедствует...

Отшельник этот слывёт человеком сведущим, так что я решил его навестить и расспросить. А со мною отправились и мои товарищи по сватовству. Отделяться от них я даже не стал пытаться — дабы не быть заподозренным в нечестности.

Храм на самой опушке леса, невелик, но и впрямь не выглядит ветхим. Уже подходя к воротам, я спохватился: утро, монах, наверное, отправился за подаянием! Но нет: во дворе слышны какие-то голоса. Осторожно заглянул.

На крыльце кельи сидят двое. Один — в монашеском облачении, средних лет, поджарый и загорелый. Второй — мирянин, но сразу и не скажешь, чем занимается: то ли мужик, то ли ремесленник, то ли разносчик;

смуглый, пузатый, волосы слишком коротки для приличной причёски, говорит жалобным таким голосом:

— Послушать тебя, досточтимый, так каждый человек может стать просветлённым — вот прямо в этой жизни? Но то — человек. А, к примеру, зверь? Или демон? Ой!

— Не дёргайся, — увещевает его монах. Я присмотрелся — он пузатому босую ногу мазью умащает, а поперёк ноги жуткий красный шрам. — Зверь ли, демон, человек — тут разницы нет. Освобождение доступно каждому.

— И мне, стало быть, тоже? И таким, как я?

— И вам, конечно. Если уж хочешь сомневаться — то пусть основанием для того будут твои поступки, а не твоя природа и не твои бесчинства в минувших рожденьях. Вот нынешние, в этой жизни. Потому что грабить да воровать — это просветлению отнюдь не способствует...

— Да разве ж я грабитель? Обижаешь... Мы ж на самом-то деле за порядок.

— Порядок, для которого такое творить надобно, — мним.

— Ну, как сказать... — Пузатый снова дёрнулся, повертел головой. — Э-э... Чужие тут!

Это он, похоже, нас заметил. Придётся представиться — чтоб не вышло, будто мы подслушиваем.

— В храме чужих не бывает, — откликается досточтимый. — Пусть, однако, погодят: у тебя с ногою дело более срочное.

Так что мы зашли во двор, но встали в отдалении, терпеливо ожидая, пока ногу доперевяжут. Чистополец тихонько говорит — так, чтобы монах и его прихожанин не слышали:

— Грабитель из него, сдаётся, и впрямь скверный. Это каким же неудачником надо быть человеку, чтобы ногою в капкан угодить?

Мы с Туманным господином в звериной охоте несведущи, так что промолчали.

Пузатый, наконец, поклонился, стал, сопя, прилаживать лапоть на свежую повязку. Целитель на нас взглянул. Мы поклонились, назвались.

Монаха, как выяснилось, зовут Горимбо, и он в обители в самом деле один, учеников пока не наставляет. Сам же доводится в таком-то поколении учеником досточтимому Камэю, равно известному как в Южной, так и в Срединной столицах. Я про этого Камэя слышал, кажется, только не про учение его, а про дар чистописания: со слов нынешнего моего зятя, китайца, рукописи Камэя продаются за огромные деньги.

Но собеседник наш, досточтимый Горимбо, скромничает: почерком, говорит, обладаю безобразным, в стихосложении также не силён.

Я решил начать со стихов, с господина Хиромаро.

— Увы, — отвечает, — точных слов тогдашней песни не знаю. Смысл ответа пересказать могу: госпожа корит поклонника за ветреность и лишает его всяких надежд. Думаю, впрочем, причина была не в нём, а в ней. Полюбила другого и решила с ним остаться здесь, в наших краях.

— Очень любопытно! Я таких подробностей не знал. А кто же оказался её избранником?

— Неловко хвалиться, но — некий писарь Гингэн, наш с господином уездным начальником общий дед.

— Ничего себе! А он, уездный, о том умолчал! Не знаешь, почему?

— Всем нам свойственно рассуждать исходя из собственных знаний и пристрастий. Вот смотри: ты спрашиваешь человека о чём-то хорошо ему известном, с детства затверженном. Ему надобно, так сказать, вылезти на

миг из собственной шкуры и поверить, что ты не знаешь ответа на свой вопрос, столь очевидного. Боюсь, господин уездный будет осторожен, пока не решит для себя, зачем ты его проверяешь и на чём пытаешься подловить.

Вот чего мне, конечно, не пришло в голову — это проверить родословные здешних чиновников. И монахов тоже. А зря.

— Стало быть, ответная песня не сохранилась?

— Кто знает... Сюда уже приезжали её разыскивать, но, кажется, не нашли. Или нашли, но не сочли достаточно искусной, чтобы приобщить к песне Хиромаро.

— Кто приезжал? Когда?

Монах чуть кланяется в сторону Касуми:

— Твой, как я понимаю, родич, царевич Облачный Покров.

Ух ты! Так я и думал. Царевна — почтительная дочь, хочет порадовать батюшку, выяснив то, чего ему не удалось. Но монах-то, как я вижу, человек осведомлённый. Другие просто говорят: стихотворцы, любители песен... А этот имя знает. То есть царевич Оу ему открылся как лицу не постороннему, раз он потомок той дамы? Тогда, получается, про даму — не враньё. Или монах сам разведал, кто есть кто. Или по чертам лица распознал?

— Шестнадцать лет назад, а потом через три года ещё раз приезжал, — уточняет Досточтимый.

Туманный явно оживился. Переглядывается с Кёгэном, тот кивает, но — о чудо! — молчит. Касуми спрашивает:

— Но мыслимое ли дело, чтобы царевич Оу, посетив здешние знаменитые места, не воспел их в пяти-шести хотя бы песнях?

— Наверняка, — отвечает монах и отчего-то мрачнеет. — Но со мной царевич не переписывался. Вообще он всё написанное здесь потом забрал. Говорю же, он возвращался.

Ну, уж тут-то вопрос напрашивается. По годам Досточтимый подсылного не подходит, ему на вид не больше сорока. Но!

— Кто же были другие, с кем царевич в этих краях вёл переписку? Уж не ссыльный ли чиновник Тюхэн?

Почему бы и нет? Пусть того и осудили вполне справедливо, но мог же и у мошенника проснуться песенный дар. Вместо раскаяния или вдобавок к оному. А может, хотя в Столице о том и не поминают, но Тюхэн и с самого начала был ценителем песен. Да, и как раз потому и пострадал! Мало ли кто мухлевал в своё время в Поверочной палате, но почему-то же государев гнев пал именно на этого человека. Не потому ли, что Тюхэн был из числа почитателей покойного царевича Кандзана, как раз в ту пору осуждённого? Да не за что-нибудь, а за непозволительные строки!

И тогда ясно, где мне искать моего помилованного. То есть опять-таки неясно. Как человек царевича Кандзана, он должен был бежать из своей ссылки — в те края, куда сослали злополучного царевича. Я слышал, тот погиб при попытке к бегству: уж не Тюхэн ли помогал ему тогда? Поручение моё оказывается гораздо щекотливее, чем я думал. Зато теперь понятно, почему местные власти темнят. Боятся, что им припомнят беглеца и, чего доброго, припишут соучастие в попытке вызволить опального Кандзана.

— Тюхэн? — поднимает брови Горимбо. — Не знаю такого.

— А вообще на твоей памяти здесь жил какой-нибудь ссыльный из Столицы? Может, не в этом уезде, а по соседству? Может быть, уже не мирянин, а постригшийся в монахи? Сейчас бы тому человеку было примерно шестьдесят лет или чуть меньше.

Досточтимый задумался:

— Вроде бы нет. Правда, я здесь жил не безотлучно. В пору, когда я учился в Южной столице, тут мог кто-то побывать, кого я не застал. Но потом убыл, должно быть: на кладбище у нас такого человека, как ты описал, не хоронили, даже без меня.

Помедлил и обращается к Киёхаре:

— А твой вопрос в чём?

— Сеть-трава, — молвит тот. — Ты, досточтимый, как я вижу, лекарь, в травах разбираешься.

— Если верно вижу, что с тобою, тебе лучше подойдёт мазь из сабельника. Впрочем, давай осмотрю твою ногу.

— Я не затем, благодарю. Мази пока есть. Я эту именно траву ищу.

— Здесь такая не растёт.

— То есть ты знаешь, как эта Сеть выглядит? — спрашиваю уже я.

— По рисункам, не более того.

— А посмотреть можно? — просит Чистополец.

— Думаю, да. Через два-три дня. Моя книга трав сейчас не здесь, я попрошу, чтобы её временно вернули. И кстати: следите за лошадьми. Что здесь нынешним летом уродилось, так это крестовник. Сильнейший яд для скота.

— Благодарю, — Чистополец кивает своему дружиннику. И говорит какое-то слово, непонятное, но, думаю, это название той же самой травы на северном наречии. Ёри тарашит глаза.

— Будем присматривать в сырых местах.

— Печально о таком говорить, — продолжает монах, — но проверять надобно и сено тоже. Были уже случаи...

Кто-то фыркает. Тьфу ты, я и не обратил внимания, что тот пузатый до сих пор тут околачивается. А сейчас счёл нужным откланяться. Поблагодарил ещё раз досточтимого Горимбо, потом и нам поклонился:

— Ежели господам желательно будет развлечься — всегда к услугам. Я сам вообще-то музыкант буду. Зовусь Тануки, барабан мой хвалят.

И, не дожидаясь приглашения или отказа, бочком-бочком — за ворота.

Мы тоже стали прощаться, господин Касуми, однако же, испросил дозволения ещё посетить храм:

— Краем уха услышал твой разговор с этим... пострадавшим. Сам взыскую наставления!

Монах охотно согласился побеседовать о Законе.

Двинулись обратно — Туманный господин в задумчивости, Киёхара явно обнадёжен, Кёгэн вертится, словно хочет что-то сказать, да слова подбирает. А рассыльный Бан тронул меня за рукав, молвит:

— Не знакомцы ли это наши?

Там, куда он показывает, хромает барабанщик и кому-то машет. Если присмотреться — и впрямь знакомые особы. Один — уездный писарь, а другой — парень из тех, на ком третьего дня Бан испытывал мою наблюдательность. Писарь ему вручил какую-то бумагу, с устными объяснениями, которых от нас не слышно. Тут к ним подоспел пузатый Тануки, и все трое разошлись — писарь в Серебристый Ключ, а двое других — прямо в лес.

10. Из заметок и размышлений рассыльного Бана

Господин делопроизводитель изволил свести знакомство с двумя столичными чиновниками, посетившими уезд: войсковым и дворцовым. Упомянутые особы, по их словам, находятся в отпуску и путешествуют частным образом, без казённых поручений. Хотя и взялись оказывать помощь господину делопроизводителю в поисках осенённого государевой милостью преступника Тюхэна, однако же пока в том не преуспели. Свидетельства местных обывателей о местопребывании упомянутого Тюхэна в Серебристом Ключе и окрестностях противоречивы и непоследовательны. Тем не менее уездные власти оказывают споспешествование в меру своих сил — надо признать, на удивление ограниченных.

Сколь непросто удержаться на грани между небрежным равнодушием и неуместной навязчивостью! Всё же, памятуя, что г-н наместник Приволья ясно выразил радость по поводу возвращения ссыльного из его края в Столицу, а уездное начальство не спешит одного ссыльного представить, счёл уместным первым применить свою наблюдательность во благо последним властям. Сообщи, что управский писарь состоит в сношениях с подозрительными лицами и, более того, передаёт им некие грамоты, возможно, из числа доступных ему по службе, но для использования посторонними отнюдь не предназначенных. Услыша сие, г-н уездный изволил поблагодарить меня за бдительность и просил не распространяться о его упущении — не присмотрел-де за нерасторопным подчинённым! Заверив его в своей скромности, не смог не обратить, однако же, внимания на то, что г-н Гингэн таковой пустяковой новостью был встревожен чрезвычайно и немедленно кликнул к себе человека из уездной охраны.

Здесь же отмечу: гонец, посланный накануне в земельную управу — видимо, за уточнениями для г-на делопроизводителя, — доселе не вернулся. Очень хотелось бы верить, что речь идёт о задержке, а не о чём-либо большем. Ибо предполагаю, что г-н наместник с ним же и перешлёт мне ответ на послания, кои я доставил ему из Столицы. Было бы более нежели плачевно, если бы таковые попали в неподобающие руки.

Например, в руки особы, называющей себя Кёгэном Киго и выказывающей подозрительную осведомлённость о прошлом как скромного рассыльного, так и могущественного наместника. Впрочем, выбранные им образы трудно назвать удачными: не яшмовому сиянию, но зловонию отбросов возрадовался в своё время Счастливец. И рассказчику ли не знать: менее всех оный смрад порадовал Государя.

11. Самозванец

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Постоянное пребывание в обществе, даже приятном, бывает полезно, но в то же время утомляет. По возвращении от отшельника, однако, я в первый раз за эти дни остался один. Оба воина, кажется, отправились обихаживать своих лошадей; Туманный господин уединился с Кёгэном, и я счёл неуместным пытаться услышать их беседу. И даже рассыльный Бан куда-то исчез — что уж и вовсе исключительный случай!

Обидно лишь то, что у меня не было готового замысла, как воспользоваться выпавшим мне одиночеством. Решил пройтись по посёлку

при управе и дорасспросить тех деревенских, с кем я ещё не толковал о господине Тюхэне — а заодно разузнать о подозрительном барабанщике и давних посещениях царевичем этих краёв.

Как и следовало ожидать, поселяне по-прежнему отмалчивались. Барабанщик такой точно есть, но он не из деревенских и вообще непонятно к какой общине приписан — во всяком случае не к Серебристому Ключу; похоже — бродяга. А события более чем десятилетней давности, как и намекал досточтимый Горимбо, в головах у местных слиплись в нерасчленимое единство, и все столичные гости начиная по меньшей мере от господина Хиромаро перепутались. Однако же кое-что новое узнать довелось — от некоего Таро, которого я уже расспрашивал в один из прошлых раз, и без толку. Сегодня же он с видом решительным сам подошёл, отвесил поклон и испросил дозволения отнять моё время. Не посреди улицы, а у него на подворье.

Подворье, надо сказать, зажиточное, с хозяйством у этого Таро лучше, чем у многих в Ключе. И семья обширная — впрочем, он сразу всех разогнал.

Наедине повалился в ноги:

— Умоляю, господин! О справедливости! Жалобу подать хочу, устную! Потому как через писаря нельзя.

Даже удивительно: я тут уже несколько дней, а это первый донос Полотняному приказу.

— Говори, — велел я.

— Житья не стало! Как внуков поднимать? Как подати платить господину наместнику? Что ни день, разоряют, и управы на грабителей нет.

— Кто же и как здесь разоряет простой народ?

— К примеру, сосед мой, Косой. Средь бела дня вола моего свёл.

— Как так?

— Он, вишь ты, разбогател, скотиной обзавёлся, та у него и пала по собственной его дури. Так он в отместку у меня... Иной бы плакал, а он — разбойничать! Ну, завидно тебе — завидуй на здоровье. Но так-то можно ли?

— Отнюдь нельзя. Однако подобные бесчинства не в ведении Полотняного приказа. Ты к местным властям обращался?

— И к тем, и к другим, первым делом. Да что толку? Господин уездный глаза закрыл, а Дядька у меня вдобавок ещё и телка забрал. Я, господин, понимаю: раздоры между мужиками твоего внимания не стоят. Я на нерадение властей сетую!

— Погоди. Чей дядька?

— Да тут уж как сказать... Теперь выходит, вроде как общий навязался на нашу голову. Коли господин ещё не слышал: держит он себя, как чиновник с охраной, а на деле-то сущий разбойник. Прежде до наших мест слухи доходили, мол, справедливый, народный защитник. У нас его и приветили... А оказался — кровопивец!

Я не понял, спросил: откуда же такая напасть? Он, негодяй этот, начальствует над охраной в каком-нибудь поместье в ваших краях? Или прислан сюда каким-то ведомством, дорогу стеречь или вроде того? Или, ещё хуже, его шайка числится при уездной управе в качестве стражи?

— Да в том и досада, что нет у него никаких прав! А то уж похвалился бы. Откуда взялся, это я точно сказать не могу. Одни говорят, из Охвостья, другие — из Озерного края, а третьи — что с гор. Иные и на Столицу кивают...

— А как... При чём тут твой скот, я не понял.

Тут Таро стал путаться, изъяснялся длинно, но если я его верно понял, происходит нечто отвратительное. Самоставный стражник, он же судья,

явился разбирать жалобу Косого. Установил, что вол у того пал, отравившись какой-то дрянью, чуть ли не тем крестовником, о котором нас предупреждали в храме. Объяснил он это дело не несчастной случайностью, а преступлением, подбросил в дом Таро отраву, сам же её нашёл при свидетелях из управы, и сам вынес приговор: чтобы у Таро забрать вола в пользу соседа, а теленка в пользу судьи. Возразить на это никто не посмел, потому что у разбойника — вооружённые головорезы, крестьянам против них не устоять. А господин уездный всё описанное лично наблюдал и бездействовал.

Если последнее правда, то этим уже может заняться Полотняный приказ. По господину Гингэну на вид не скажешь, в сговоре он с разбойниками или просто запуган ими. Чего-то он явно боится.

Но что ему-то мешало пожаловаться? Наместнику или хоть мне. И потом: раз тут орудует злодейская шайка, да столь нагло, — отчего было на неё и не списать пропавшего ссыльного? Если, конечно, ссыльный был и пропал. Получается, Гингэн действительно от меня впервые услышал о Тюхэне, оттого растерялся и не прибег к такому объяснению?

Если, конечно, Таро не врёт.

— А велика ли шайка у этого злодея?

— Да кто ж их считал? Только, похоже, всё прирастает с каждым годом. А так — кто говорит: две дюжины удальцов, кто: вся сотня будет. И в чём беда-то: не просто бродяги, а все с мечами, с луками, даже знамя есть и барабан!

— А какого цвета у него знамя? — полюбопытствовал я, хоть это, конечно, мало что меняет.

— Чёрное, а на нём буквы белые. Только их даже грамотеи разобрать не могут.

Если, конечно, эта разбойничья надпись вообще что-то значит.

— Давно они тут бесчинствуют?

— Как сказать... Года четыре, наверно. Объявились вроде уже после того, как нынешний наместник наш край унаследовал. Только поначалу-то они лишнего себе не позволяли: объявлялся этот Дядька то тут, то там, выслушивал сетования, потому как народ пожаловаться-то всегда готов; советы раздавал, уездное начальство увещевал. Краденое возвращал, говорят — хотя кто знает, может, им самим и наворованное. А потом всё больше самовластничать стал. И теперь уж и не поймёшь, кто у нас в округе главный-то.

— Так. Уездный, ты говоришь, бездействует. А другое начальство? Вот ты, к примеру, мне жалуешься — а в земельную управу, скажем, кто-то из обиженных этим Дядькой обращался?

Таро мрачнеет ещё больше, проводит ладонью по лысому черепу:

— Ты, господин, на северном краю деревни пожарище видел? Там подворье Щербатого было. Вот он и жаловался. Отлучился к господину нашему Мино, возвращается — а от всего хозяйства одни угольки остались. Щербатому же потом и влетело за несоблюдение пожарных мер. И больше ничего — то ли не поверил ему господин наместник, то ли не собрался. Земли-то у него обширны, пока до нашего Ключа руки дойдут...

Только тут я понял, что меня с самого начала смутило в его речах. Спросил:

— У кого земли обширны? У наместника? Здесь, по-вашему, земля господина Мино?

— Знамо дело, ихняя! У разбойников на неё никаких прав нету.

— Наместника, а не Государя?

— Так Государь же ещё прошлому господину наш весь край в удел дал. По-родственному. Сперва-то порядка больше стало, а теперь...

Такого в Облачной стране не бывает, чтобы даже Государева родича пожаловали не именем, а целым краем. А Дождевые господа, к коим принадлежат прежний и нынешний наместники Приволья, из Облачного рода выделены ещё задолго до времён господина Хиромаро. Но этот поселянин уверенно говорит о наследовании, и не должности земельной, а прямо-таки земли. Надо ли понимать, что это Небо так вещает устами народа? Или всё-таки сами господа Мино слегка зарвались? Или их недоброжелатели распускают клевету?

Я посулил Таро разобраться и ушёл, даже не спросил о ссыльном. Но если хотя бы половина из его слов — не ложь, то это вправду дело для Полотняного приказа. А то и не одно.

Хотел бы я знать: когда я расскажу всё это Бану — будет ли это для него новостью? Не послан ли он сюда с тайным заданием расследовать именно местное самоуправство?

Бан ведь был уже делопроизводителем, а сейчас имел бы чин младшего советника, кабы не попал в своё время под внутреннее разбирательство в Приказе. Не уволен, но понижен, многие его ценят как опытного сыщика и могли припасти для него дело, на котором есть надежда основательно выдвинуться, вернуть прежний чин, а может, и более того.

Но могли бы вообще-то и меня предупредить!

12. В Серебристом Ключе: На конюшне

Младший Чистопольский воевода, господин Киёхара, и его ближний дружинник Ёри Молчун имели давний уговор: если никто из них тяжело не ранен, каждый сам чистит своего коня. А рана младшего воеводы уже, по меркам севера, давно зажила. Так что они на конюшню отправились вместе, а лошадей чистили порознь. Время для этого воины нарочно выбрали такое, когда местные конюхи там не толкуются: а то начнём друг другу давать добрые советы, и дело кончится ссорой.

Ёри за работой, по своему обыкновению, молчал, а господин Киёхара насвистывал. Но оба одновременно заметили, как на конюшню с оглядкой заходит барышня Гингэн. Ёри удивился, ибо не пристало девицам из пристоличных краёв бывать в таких местах, а младший воевода уже ожидал такого: ибо если человек, пусть даже женщина, правда любит лошадей, никакие приличия препоной не станут.

Барышня погладила рыжую лошадку и вдруг сказала:

— Неудобно признаться, но дошло до меня, что господин младший воевода изволил любопытствовать сеть-травой.

Тут уже удивился и Киёхара, но отрицать не стал, только спросил:

— А что? — и тут же устыдился этакого просторечия.

— А то, — ответила барышня, — что в Серебристом Ключе и округе господин сеть-травы не отыщет, ибо она здесь не растёт. И даже едва ли узнает, где её искать, потому что траву эту здесь так не называют. Но я могла бы рассказать, где трава эта водится в изобилии, я её там видела собственными глазами.

— Это было бы очень любезно с твоей стороны, — молвил господин Киёхара с поклоном, — и я буду после этого в долгу у барышни.

— Не будешь. Потому что я сразу хочу договориться: услуга за услугу.

— Что ж, рад буду услужить, — ещё раз поклонился младший воевода, а про себя подумал: хватко!

Барышня Гингэн помедлила, ещё раз погладила лошадь, закусил губу и, наконец, быстро проговорила:

— Взамен я хочу, чтобы господин сопровождал меня в Столицу, потому что времена такие, что ехать одна я не решусь. А здешних сопровождающих мне не дадут нипочём. А там дальше я уж как-нибудь сама, господин же сможет отправиться за сеть-травую для своей возлюбленной.

Тут Ёри крикнул, а Киёхара задумался, вспоминая: а что он ещё успел наговорить в этом доме, не заботясь о чужих ушах? Вроде бы ничего особенного.

Условие, конечно, очень неподходящее: слишком похоже получится на похищение девицы из достойной семьи. Оно бы и ничего, но понравятся ли такие слухи дочери царевича Оу? А если не понравятся, и она Киёхару отвергнет — что он скажет деду, старому воеводе, который и затеял всё это сватовство? И, главное, что дед скажет внуку? Младший воевода не боится ни стрелы, ни клинка, ни дикаря, ни мятежника, но дед — другое дело...

— Осмелюсь спросить: а что барышня собирается делать в Столице?

Девица подняла голову и впервые посмотрела на него, до неприличия прямо. Потом снова потупилась и ответила:

— Нетрудно сказать: отправлюсь во Дворец, упаду в ноги Государыне и буду умолять, чтобы моего отца перевели отсюда куда угодно.

Сказать и впрямь нетрудно, а вот сделать... Девчонка, верно, думает, что во дворец пускают кого попало, да ещё позволяют подстеречь юную Государыню на узкой садовой тропинке! И даже если сие удастся: Государыня слывёт доброй, но никогда прежде не слыхано было, чтобы она вмешивалась в перемещения чиновников.

— Непростая затея, однако!

— А это уж будет моя забота, помощи в Столице я у господина просить не стану, в смысле — не осмелюсь.

Ёри качает головой: не ввязывался бы ты, господин! Но было бы и грубо так прямо отказать, и вообще — потом придётся ночами ворочаться, размышляя над этим случаем.

— Могу ли спросить: почему так необходимо твоему батюшке искать перевода? Места здесь выглядят благодатными, много в Облачной стране куда худших... К тому же, судя по прозванию, вы сами — здешняя семья?

— В том-то и дело. А насчёт благодатного края... уж не знаю, смеётся господин или просто ничего не замечает вокруг, как влюблённым положено, — сердито откликнулась девушка.

Неприятно, когда с тобою так разговаривает девчонка, лет на десять к тому же тебя моложе! Но Чистополец не зря слывёт человеком сдержанным — промолчал, и на лице его видна лишь настойчивая любознательность. Так что, отвернувшись, барышня продолжила:

— Убьют нас тут, если не уберёмся куда подальше! Отца — наверняка, а я без него едва ли долго протяну, даже если сперва и уцелею. Достаточно ли такая причина для поездки в Столицу, а?

Ёри тяжело вздыхает: теперь молодой господин точно не успокоится! Киёхара спрашивает:

— Убьют? Кто же посмеет?

— А вот этого я наперёд сказать не могу. Над отцом тут двое хозяев, каждый себя считает главным. А отец перед обоими в ответе. Понимаешь? Он перед каждым хозяином должен доказывать, будто его одного и признаёт,

будто другого начальства просто нет. Хотя оно есть, и это все знают. Делай тут что-то, или ничего не делай, всё равно рано или поздно окажешься виноват.

Такое двоевластие много где можно видеть в Облачной стране. Есть уезды, где чиновник разрывается между наместником и каким-нибудь могущественным храмом. Или, того хуже, божьим святилищем. Или в уезде местная знать сильна, или у кого-нибудь из столичных вельмож поблизости угодыя со слишком деятельным управляющим...

— У нас в Чистополье, — кивает Киёхара, — каких только военачальников не бывало. Столичных, кого присылали наш край замирать. Кого прямо с придворной службы, кого с других рубежей, за отличие переводят или за провинность... И кто нынче старший в Чистопольской семье, тот должен каждому из них служить. А по ту сторону рубежа — дикари. Те главу моей семьи числят вождём вроде их собственных. И там тоже время от времени объявляется какой-нибудь самый удалой, требует присяги с наших... Только и одни, и другие начальники меняются, а местные дома остаются. Здесь не так?

— Не так, — угрюмо отвечает барышня. — Здесь наместник родовой, никуда не денется. И Дядька Барамон — не дикарь. Как ты говоришь: вожди за вождей считают местных служилых... А у него выходит, будто бы государевы служилые — как пустое место, вообще не власть. Он якобы потому за саблю и взялся, что за землёю нашей присмотреть некому. А не то бы удалился в отшельники и весь век в молитвах... Он даже не грабит, как разбойнику положено. Вершит суд, как говорит — по закону, собирает пени и подати. Вот в ваших краях кто Государеву подать собирает? Наверно, не дикари. А у нас...

— Не понимаю. Этот разбойник в свою пользу изымает Государеву дань?

— Да нет, в казённую пользу. Кабы он подати украл! Его тогда, уж точно, наместник прижал бы. Нет, он собирает и отправляет в земельную управу, как по закону требуется, себе оставляет на издержки. Шайка у него немалая, издержки велики. Стало быть, поборы больше. И стоит только кому-нибудь пожаловаться, что у нас в уезде подати выше, чем надо, — кто будет виноват? Барамон? Наместник? Как же! Батюшка мой. А наместник подтвердит, что господин Гингэн лихоимец, а Барамон засвидетельствует.

Девица так разозлилась, что даже разругалась. Впрочем, ей идёт.

— То есть этот разбойничий вожак — вроде самостоятельного чиновника? Имя у него не дикарское, как я слышу. Точно не северное. Чудное.

— Оно индийское. Говорят, он чиновником и был, потом сотворил что-то страшное, все по-разному сочиняют, что. И стал монахом, Барамон — это храмовое имя. Только не усидел за книгами, явился к нам порядок наводить.

— Давно? И не тот ли это монах, который в храме на опушке? Травник?

— Нет, досточтимый Горимбо — настоящий монах. И мне, кстати, он вправду дядька, троюродный. Принял постриг от несчастной любви, всё так трогательно... И подвизается тут уже десятилетия. А Барамон объявился уже при нас, когда отца сюда перевели — года четыре, что ли, назад впервые о нём заговорили. Что тоже, конечно, нам в строку поставят, если что: почему это пока не служил в Ключе господин Гингэн — и разбойника никакого не было?

— Так, — хмурится младший воевода. — То есть уже несколько лет у вас тут такое творится. А сейчас — больше, что ли, стал на свою шайку забирать из податей этот Барамон, что ты к Государыне собираешься?

Барышня вздыхает:

— Лучше бы, наверно, я раньше спохватилась. Сейчас уже всё совсем плохо — и даже не с податями, а с самим батюшкой. Вот сейчас: послал он письмо наместнику, доносят — писарь с того письма противень снял и отдал Дядьке. Отец зовёт Акутаро, велит схватить негодника и доставить для разбирательства. Акутаро возвращается с пустыми руками и отчитывается: утёк, мол, писарь, а перед тем ещё грозил, что кто его тронет — пожалеет. Потому что он, мол, наместничий человек и за всеми нами присматривает.

— Тогда зачем он наушничает этому Дядьке?

— Ты, господин, у меня спрашиваешь? Не знаю. И чей он на самом деле человек — не знаю. И чей человек Акутаро. И хуже всего, что отец тоже не понимает. Даже того, чей он сам сейчас человек. Нехорошо так говорить о родном батюшке, но я очень боюсь, что он наделает глупостей и всех нас загубит. Да тут вы ещё припёр... прибыли...

— погоди! Ни я, ни туманный господин, ни даже, думаю, господин Намма здесь не по этому делу...

— Ну, донёс-то на писаря нашего отцу как раз тот крючок, что при этом Намме состоит. Но господина младшего воеводу я ни в каких таких кознях не подозреваю. Потому и предложила, что предложила. И жду ответа, вообще-то.

Что тут делать? Уездный, похоже, и впрямь основательно запутался. С Государыней — это, конечно, едва ли получится, но всяко хлопотать в Столице о переводе смысл имеет. И если правда то, что девица нарасказала — головы их с отцом сейчас действительно тут стоят недорого.

— Точно, конечно, ты не знаешь, ну а примерно — сколько у этого Барамона людей?

— Больше полусотни. Может, и вдвое больше. Тут дело такое: они на одном месте не сидят, рыщут по всему краю, и даже в соседних землях. Как тут посчитать?

У уездного охраны — десятка два, и те по северным меркам — не бойцы, а так... Плохо дело.

— Хорошо. Что же это за трава и где её искать?

Барышня снова вскидывает глаза, улыбается, кивает:

— Когда я была маленькой, батюшка служил на Подступах. Знаешь, где Белая гора? Так вот на той горе по склону этой сеть-травы — видимо-невидимо, сплошным ковром местами! Листья такие толстенькие, вместо ягод — шарики с семенами, сухие, а корни все перепутаны: сеть-то — она под землёю. Сеть-травой её местные зовут, а матушка, она тогда жива ещё была, говорила: по-настоящему сие прозябание именуется подбел. Вот.

Ёри громко хлопает себя по ляжке — аж лошади ушами запрядали:

— Подбел? А мы-то...

Киёхара взглядом останавливает его, отвечает барышне поклон:

— Благодарствую. Я отвезу тебя в Столицу.

— Когда? — девица косится на свою рыжую лошадку.

— Ну, не немедленно. Сперва попробую разобраться ещё кое-с-чем тут. Но — скоро. Думаю, в два-три дня уложусь.

— А раньше — никак?

— Никак.

Барышня кивнула, развернулась — и нет её.

Разговор этот был утром, и весь день младший воевода его обдумывал. А вечером позвал Ёри, говорит:

- Пошли.
- Куда это?

— Слышал утром про здешнего охранника, Акутаро? Сейчас его хватились. По всему выходит — писаря он отпустил по собственной охоте, а как начал уездный разоряться из-за этого — и сам ударился в бега, час или два назад. Не иначе, подался к этому самому Барамону. Как ты думаешь, кроме нас с тобой, тут кто-нибудь сможет его след взять?

Ёри только фыркнул: нет, конечно! И начал проворно собираться.

Если поспешить — может, ещё удастся перехватить этого охранника и доставить обратно в управу. И тут уж хочет господин Гингэн или нет — придётся ему признать, что в уезде у него не всё в порядке. И принять пару добрых советов от человека пусть и младшего годами, но с куда большим боевым опытом. А то что ж — и впрямь ведь пропадёт вместе с дочкой! Жалко будет.

13. Тайны

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Мой наставник, господин Гээн, всегда меня учил: если хочешь выиграть, надо понять, с кем играешь. Что за человек, чего хочет, какими способами предпочитает действовать — и стало быть, когда и в чём он даст слабину.

Но сейчас я не понимаю, с кем состязуюсь. И даже во что мы играем, собственно. Два влюблённых кавалера приехали сюда и договорились с мной, чтоб глаз друг с друга не спускать. И что? Вчера я полдня выслушивал доносы, вернулся — младший воевода по-прежнему на конюшне, помощник блюстителя кладовых в наших жилых покоях. Оба, похоже, в своих задачах не продвинулись. Если даже Киёхара по одной травинке разобрал весь уездный сеновал, своего растения он там не нашёл. И если Касуми ждал, что без меня, без Полотняного чиновника, с ним будут откровеннее местные жители, — тоже, кажется, не дождался.

Допустим, оба держат лицо и отмалчиваются, на самом деле преуспели и рады, а отдельно довольны, что я ничего не знаю. Но — в чём они преуспели? Запросто может оказаться, что оба мне морочат голову. Что вообще-то они совсем не ради сватовства сюда явились. А ради чего? Не понятно.

С утра я допустил, кажется, большую ошибку. Рассказал рассыльному Бану про вчерашний донос — раз уж спутник мой за давешний вечер ни разу не любопытствовал, где меня целый день носило. Он выслушал, бросил что-то вроде: как и следовало ожидать... С видом: тебе, юнец, эти уездные дрязги ещё в новинку, а я-то знаю, что они пусты и всюду одинаковы. Я начал злиться и спросил, за что Бан пострадал по службе. Он отозвался:

— Вот, допустим, родич твой, младший советник Хокума, — тот пострадал, да. А я разве страдаю? Мне, смею верить, начальство уделяет ту должность, на которой я смогу принести наибольшую пользу. За чинами же не гонюсь.

И смотрит на меня, как на чинодрала. То есть это, по его намёкам, получается у него прикрытие такое? Служащий Полотняного приказа, пониженный в должности, вызывает больше доверия? Непримируемо, дескать, боролся со всяческими злоупотреблениями, за то и поплатился... Или

внушает больше ужаса, если кто вообразит, что его не за правду понизили, а за чрезмерные зверства.

Озадачив меня всеми этими недомолвками, он погрузился в бумаги. Будем надеяться, он просто записывает каждое слово, что при нём сказано. А то мало ли? Вернёмся в Столицу, а Бан как явится к царевичу Оу, как предъявит ему своё собрание песен...

Чистополец нынче опять никуда не поехал, бродит по управе, будто чего-то ждёт. Туманный господин, как я думал, спал до позднего утра. Но — нет! Около полудня я к нему заглянул — а его и след простыл. Только Кёгэн сидит в одиночестве. Тут уж я позвал Киёхару быть свидетелем.

Где — спрашиваю, — господин помощник блюстителя кладовых?

— Извольте понять: в храм отбыл. Надеюсь, к вечеру воротится.

— Что ж он один-то? — спрашиваю. — Нам даже не сказался...

И младший воевода одновременно:

— Небезопасно так себя вести! Здесь же разбойники хозяйничают.

И осёкся. Похоже, не покидая управы, он тоже наслышался о местных безобразиях — а насчёт меня уверен не был. Я кивнул: знаю, мол, мне по должности положено.

Кёгэн смотрит, как мы переглядываемся, и хихикает.

— Господин, знаете ли, проникся доверием к здешнему досточтимому. На мои увещевания молвит: не может такого быть, чтобы то был злонравный монах! А ежели и связан с кем из здешних лиходеев, — так, видите ли, непростая задача угадать, кто вообще в Серебристом Ключе с оными не связан! Ежели бы кто полюбопытствовал моим скромным мнением — я допустил бы, что каждый второй... Хотя, конечно, связи бывают разными, и не всегда они, если можно так выразиться, вполне добровольны...

Чистополец кивает. Но я пока последую тому, чему меня учили в Приказе: не дам себя отвлечь, пока не услышу ответа на вопрос, с которого начал.

— Итак, Туманный господин упоминал, что собирается побеседовать с монахом. Но почему в одиночку? Без нас и даже без тебя?

— Не скучны ли молодым господам разговоры о Законе Просветлённого... Будьте уверены, ни о чём другом мой барин в храме толковать не станет.

— По прошлому посещению не похоже, — замечает Киёхара.

Всё-таки здраво он мыслит, хоть со мною и темнит.

— По-моему, как раз подобные заверения звучат особенно подозрительно, — соглашаюсь я. — Мы бы уж как-нибудь сами решили, что нам скучно, а что нет.

Кёгэн всплёскивает руками:

— Так в том и разница, что в прошлый раз мы, простите на слове, ввалились к отшельнику целой толпой. При всём моём уважении к досточтимому — он всё же не сам Просветлённый, чтобы вещать, как на Орлиной горе, пред тысячами тысяч... Благочестивая беседа лучше идёт в уединении.

Киёхара качает головой:

— Не вышло бы так, что уединение их нарушат незваные гости. А то и званые.

— О нет! — кажется, Кёгэн всерьёз всполошился. — Умоляю, не надо!

— Чего не надо?

— Не ходите туда. Нижайше прошу прощения, но вы всё испортите. А у моего господина в кои-то веки затеплилась надежда...

— Что мы такое испортим?

Он мнётся:

— Это касается тех самых слухов... До вас в Столице, я думаю, доходило, что помощник блюстителя наследничьих кладовых...

Ничего до меня насчёт него не доходило. Неужто проворовался? И здесь скрывается, а не ищет таинственную сочинительницу?

Младший воевода, кажется, тоже не понял, о чём речь.

— Я в Столице человек новый, — напоминает он.

— Ценю вашу учтивость и осмотрительность, — кланяется Кёгэн.

— Цени, да не переоценивай! Раз уж начал толковать о слухах — объясни, в чём дело. А то мало ли что ненароком скажу в лицо твоему господину, не зная, о чём лучше помалкивать.

Кёгэн решился — взмахнув рукавами, подманивает нас сесть поближе, и переходит на шёпот:

— Неловко! Неловко! Но и вправду лучше уж вам услышать это из уст благожелательных. Господин мой уже долгие годы терзаем неким тяжким недугом. Не таким, что закрыл бы доступ ко двору или вынудил бы оставаться в постели, — но крайне неприятным. Особенно досадно, что при женитьбе... как бы вам сказать... при встрече с дамой наедине скрыть этот недуг невозможно. Столичные лекаря — отступились, заклинатели и молитвенники — бессильны. Здешний же отшельник живёт вдали от суеты, сведущ и во врачевании, и в обрядах — не окажется ли встреча с ним счастливой? А главное, сам мой господин отважился обратиться к нему — а вера в успех в подобном деле уже немало способствует исцелению! Если же и новая неудача — нетрудно понять, что чем меньше о ней станут судачить, тем лучше.

— Эге... — молвит Чистополец. — А жёлчь выдры туманный господин не пробовал?

— Я не сомневался, что вы поймёте всё с полуслова! — восхищается Кёгэн. — Увы, пробовал — и тщетно.

А я и не знаю, от чего принимают такую гадость. Эти двое смотрят на меня, как будто я дитя малое, а не Полотняный чиновник...

Киёхара не унимается:

— Есть средство у дикарей на севере... Свежуют быка, только так, чтобы те самые части остались при шкуре. И в шкуру нужно завернуться и лежать так, пока сможешь, при этом не есть и не пить. У нас один стрелок пробовал — правда, ему всё равно помогло только на один раз... если и о том он не врёт.

Об этом средстве, похоже, и я слышал: оно от ожогов. Неужели Туманный господин обезображен, да так, что женщины пугаются? На лице и руках ожогов ни следа, но тем сильнее может быть потрясение дамы... Впрочем, нет: с такими следами Палата обрядов не допустила бы его к Государеву двору, тем более в покои наследника.

— Этот способ мы ещё не испытывали, — в голосе Кёгэна, однако, слышно особой уверенности. — Благодарю за совет. Умоляю, однако, сохранить в тайне то, что я вам поведал!

Я киваю, Киёхара тоже соглашается:

— Непременно. И благодарю за искренность — я, честно сказать, уже начал подозревать дурное.

— Да куда уж хуже! — сетует Кёгэн. — Уже, знаете ли, был... печальный опыт... А если царевна... То есть если обо всём расскажут царевичу Оу, дойдёт до... страшно молвить, до кого...

На том мы его и оставили. Но я так просто не унялся. Спросил у Чистопольца:

— Раз уж зашла речь о тайнах и о разбойниках. Верно ли я догадываюсь, что господин младший воевода здесь не только по личному делу, но и со служебным поручением? Не хотелось бы невольно стать помехой. Хуже нет, когда соперничество вкрадывается между двумя ведомствами.

— Да как сказать, — вздыхает он. — У меня одно с другим совпадает. Личное с долгом. Наши края слишком далеко от Столицы.

И что?

— Так уж сложилось: в четырёх поколениях уже мы женились на северянках. Из таких же военных семей... в основном. Нельзя сказать, чтоб неудачные были браки, но получается, будто Чистополье наше — словно бы отдельный остров. И даже не всё Чистополье, а наше рубежное войско. В других ведомствах у нас и связей нет. Дядю моего государь Унрин назначил было в Податную палату, так тот там за двадцать лет еле-еле до младшего советника дослужился. О дворцовых должностях и говорить не приходится. Деда моего это очень тревожит. Вот и постановили, чтоб я посватался в Столице, да сразу к девушке из царевичева дома. Как бы я уклонился?

Понятно. Государево Вервие слабеет, дальние земли Облачной державы делаются с годами всё дальше, всё самостоятельнее, и это не может не беспокоить. Кажется, последний, кто остался уверен в крепости Вервия, — это глава моего дома, старший господин Асано.

Но тогда получается, что и у меня личное совпадает с долгом. Потому что если верить умным людям и срочные меры действительно назрели, и не начаты преобразования лишь из-за косности старейших сподвижников Государя, — то нам, молодым, потребуется всё возможное влияние, нам же ещё предстоит идти против собственных старших родичей, поддерживая Властителя Земель. Так что и у меня — не только любовь и не только личный расчёт. Да и к тому же: каково будет барышне Лунный Блеск отправиться на дикий север? Нет уж, такого я не допущу.

А про разбойников здешнего уезда Чистопольец слышал примерно то же, что и я. Рассказали ему, как я понял, потому что хотели выяснить, можно ли на него в случае чего положиться как на боевую силу. Станет ли он вообще вмешиваться, и если да, то на чьей стороне. Любопытно, почему меня о таком не спрашивают: видно по мне, что я не великий стрелок, — или все знают, что Конопляный дом всегда на собственной стороне и никуда не склоняется?

Вообще-то военная наука велит примыкать к тем, чья победа вероятнее. То есть в нашем случае — а, собственно, к кому? Мы с младшим воеводой прикинули и поняли, что слишком мало знаем. И про уездные силы, и про шайку этого самого Барамона. И не знаем, подоспеет ли подкрепление от наместника — и к кому оно подоспеет. И что станут делать поселяне. Они, может, и не слишком боеспособны, зато многочисленны и знают всю местность.

Тут-то, как по заказу, и прискакал гонец из земельной управы. Доложился господину Гингэну, а потом, гляди-ка, вручил какой-то свёрток и моему рассыльному. Не успел я спросить Бана, что это, как господин уездный пригласил меня к себе. Вид у него — ещё мрачнее прежнего.

— Что получается, — говорит. — Ссылный Тюхэн двадцать лет назад в уездную управу прибыл и был направлен на поселение в Серебристый Ключ, грамоты об этом сохранились. А сюда, судя по всему, не добрался — словно исчез в этом недолгом пути. Или здесь его записали под другим именем — по непонятным мне причинам. Приношу извинения за моих нерадивых предшественников и продолжу разбираться. Но по-прежнему уверен: когда я заступил на здешнюю должность, в Ключе не было ни названного ссылкой, ни кого-либо похожего.

Записали под чужим именем? С чего бы? И вообще, если уж на то пошло, — а в земельную-то управу прибыл тогда смещённый чиновник Поверочного двора Тюхэн? Или кто-то совсем другой под его видом?

Тут доложили, что к уездному явился стражник со срочным делом, и я вернулся к себе. Как и следовало ожидать, рассылный Бан куда-то исчез. Так что я перекусил и решил продолжить свои изыскания в деревне.

14. Обезумели

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Жители Серебристого Ключа, однако, больше не спешили ко мне с доносами и жалобами. Похоже, они ещё старательнее держались от меня подальше. Даже когда я начинал о чём-нибудь спрашивать, поселяне отмалчивались и просто усердно кланялись.

Только уже ближе к вечеру ко мне сама подошла та самая безумная старуха, которую я повстречал близ заброшенной хижины. Но на этот раз ни стихов не читала, ни чужими именами не называла: поклонилась, спрашивает:

— Я тут слыхала, молодой господин прибыл из Полотняной управы?

— Приказа, — поправляю. — Да, а что?

— Ну да, а Полотняное это заведение затем устроено, чтобы пресекать злодейства властей, верно?

— Злоупотребления недобросовестных чиновников — да, в частности, и для этого.

— И чтоб заступаться за простой народ, — уверенно завершает бабка. — Молю о защите и снисхождении!

— И кто тебя обидел? — спрашиваю я, а сам осторожно высвобождаю рукав из её пальцев, довольно грязных.

— Да я ж за себя-то не прошу! Я за других, обиженных! Вот ты же, господин, наведни с Лысым Таро уж толковал — он нынче ходит и хвалится, что нашёл защитника. А чего его защищать-то, коли он — убивец и погубитель?

— Погоди... Кого же он убил? — удивился я.

— Так вола же у Косого! И отраву у него, у Лысого, нашли, и учёный человек подтвердил: если вол или иная скотина такого нажрётся — сдохнет! А ты, господин, не в укор будь сказано, Лысого-то выслушал, а Косыми пренебрёг. И из этого может получиться несправедливость для них и недобрая слава для тебя. Хорошо ли будет, если по всему Приволью станут толковать: приезжал сюда Полотняник, судил-рядил, и по всему выходит: ни стыда у него, ни...

Вот это я от неё уже слышал. Так что остановил, вспомнил батюшкину науку, спрашиваю:

— Так что ж мне лучше сделать: идти сейчас к этим Косым или та сама мне расскажешь всё, как на самом деле было?

Конечно, старуха предпочла всё растолковать мне сама, непредвзято и искренне. Насчёт ссоры Лысого с Косым нового она особо не сообщила, а вот некоторые подробности местной обстановки показались мне познавательными. Этот здешний Дядька вершит суд в Серебристом Ключе и по меньшей мере в двух-трёх соседних уездах уже более трёх лет, при разрешении споров берёт с виновной стороны пеню в размере примерно четверти спорного имущества. Если тяжба не хозяйственная — ограничивается карой виновному и доброхотными даяниями правого, но только после суда, вперёд взяток не принимает. Никогда не именуется человеком наместника — это я отдельно уточнил. А Государевым служилым? Тут старуха запуталась: вроде бы слышала, что Дядька исполняет долг то ли перед Властителем Земель, то ли перед Великим Властителем, но не поручится, что звучало это из его собственных уст. У него, однако, по всей округе глаза и уши, ему служат звери лесные и чиновники из управы, хотя не все, а выборочно. Господин же Гингэн Дядькиному влиянию обязан последними остатками стыда и совести. Но ведёт себя противоречиво: вот и сейчас, мол, решил обрушить свой гнев на невиновного. А именно — на старухино меньшого сына Акутаро, который при уездном в стражниках. И именно это, а вовсе не бедствия Косых, как я понял, стало причиной обращения к представителю Полотняного приказа.

— Что ж твой Акутаро натворил и что ему грозит?

Тут она начала изъясняться ещё более пространно и путано. Получается: есть в управе некий писарь, душевный человек, радеющий за народ. И, что меня уже не удивило, находящийся в большой дружбе со справедливым разбойником. Отношения у этих друзей искренние, доверительные, и, естественно, приводящие к утечке сведений из управы. Гингэн о том знал, да до поры закрывал глаза, пока — вот неожиданность! — его внимание на это не обратил я. Вот именно я, приезжий из Столицы чиновник Полотняного приказа. Я нарочно её переспрашивал: да, настаивает, что я. Тогда уездный начальник велел стражнику Акутаро задержать писаря. Это не удалось — то ли оттого, что писарь от стражника откупился, то ли он Акутаро застращал, то ли вообще перекинулся белкой и скрылся в лесу. Как бы то ни было, спрос теперь с бедного Акутаро, и его могут даже выгнать из местной охраны, а тот, из-за кого все неприятности начались, об этом даже не думал, пока старая мать стражника не обратилась к его стыду и совести. К моим то есть.

И ведь знаю же я, что эта бабка временами заговаривается. А если — нет? Если это я сам не замечаю, что говорю? Или говорю одно, а люди слышат другое? Тогда нечего удивляться, что ни ссыльного, ни стихов я найти не могу.

Но если старуха и вздор несёт, то слишком уж разный. Ежели она себя считает красавицей, а меня поэтом Хиромаро, то она же меня долгие годы ждала! Откуда у неё тогда сынок, и при чём тут писарь и прочие? Или в её помутнённом рассудке господин Мимбу здесь представлял Полотняный приказ? Для тёмной поселянки вообще странно помнить хоть какие-то названия столичных ведомств, но раз у этой была связь с чиновником... Этак можно вообразить, что и разбойник, и вол отравленный были когда-то в давние времена, и Лысые пострадали от Косых — или наоборот — не в нынешнем поколении, а намного раньше. Но тогда я не понял, получается,

что мне пытался втолковать Таро Лысый? Не может же одно и то же безумие поразить сразу всю деревню?

Я бы ещё спросил у неё про два приезда царевича. И про общую родню уездного начальника и досточтимого монаха. Только лучше я это буду делать при свидетелях, да таких, кто мне потом перескажет по-человечески, что она говорила. И что я спрашивал.

Посулил ей разобраться и вернулся в управу. Туманного господина до сих пор нет. Более того, Чистополец недавно ушел: пешком, вместе с дружинником. Куда, осведомлённый Кёгэн судить не берётся, предполагает только, что настроены оба были решительно.

Я всё меньше понимаю, что они понимали под совместными действиями.

Зашёл к уездному. Начал было: тут ко мне подошла старушка, будто бы матушка здешнего охранника Акутаро...

— А вот сейчас возьму я эту старушку, — рявкнул господин Гингэн, — и засуну в погреб. И пока её сынок не объявится и дружка своего за шиворот не приволочёт, пусть прохлаждается сидит!

И уже чуть спокойнее добавил:

— Поистине, господин Намма, кажется мне: иссякает верность и преданность в Облачной стране. Невольно задумаешься: не признак ли то наступления последних времён?

Отец мой, средний советник, на этом месте точно предпочёл бы считать, что последние три слова ему слышались. Кто ссылается на последние времена, тот, как известно, на любую подлость способен. Как показал пример недавно поминавшегося Хокумы...

Пойду, найду рассыльного Бана и спрошу, чего тут все с ума посходили. Или это мне кажется.

15. Из заметок и размышлений рассыльного Бана

С прискорбием должен отметить, что в последующие два дня в розысках ссыльного г-н делопроизводитель не продвинулся, невзирая на всё своё усердие. Более того, известное телесное и умственное утомление, равно как и непривычка к снятию показаний с простолюдинов, даже посеяла в нём зерно сомнений в здравости собственного рассудка. Я почтительно ободрил его, указав на то, что по крайней мере воротился гонец, посланный в земельную управу, и мы можем теперь определённо установить, на каком именно участке пути временно затерялся след преступника Тюхэна. Также обратил внимание г-на делопроизводителя, что возможности уточнений по переписке можно считать исчерпанными. Не имеет ли смысла — посмел я заметить — воротиться в земельную управу и проверить: ежели упомянутый Тюхэн не достиг Серебристого Ключа, не значит ли это, что по ошибке либо по некоему умыслу его направили в иной уезд Привольной земли? Г-н делопроизводитель изволил ответить, что обдумает этот путь.

Более того, если г-н делопроизводитель в размышлениях своих не явит расторопности, сам я никак не смогу откладывать новое посещение земельной управы. Ибо сие означало бы дерзко пренебречь прямым приглашением г-на Мино, каковое гонец привёз мне вместе со свитком для доставки в Столицу. Затрудняясь предположить содержание будущей беседы с г-ном наместником, не могу в то же время не беспокоиться о её исходе.

Усомнюсь, что столичные вести наместника однозначно обрадовали — и не сочту удивительным, ежели теперь сей сановник взыскует уточнений и подробностей пусть даже из уст столь низкопоставленной особы, какой ныне являюсь я. Пребываю в сомнениях: если, готовясь к подобному разговору, я осмелюсь ознакомиться с содержанием свитка — будет ли это преступлением, или просто непростительной дерзостью, или мудрым шагом во благо доверившихся моему посредничеству сторон?

И во что мне это обойдётся на сей раз.

16. В Серебристом Ключе: птица Столицы

Удачно: в храме сегодня ни недужных, ни прихожан с дарами, досточтимый сидел один. Помощник блюстителя кладовых всю дорогу пытался подобрать начало для разговора. Как понять, за который прежний грех расплачиваюсь я вот таким-то нынешним моим пороком? Или: какое поучение мне извлечь вот из этого несчастья? Всё нескладно. В итоге начал ещё хуже:

— Верно ли говорят, что свободы не достигнет тот, кто не способен поддаться страстям?

Как будто хвастаешься: я, мол, страстям неподвластен. Или выпрашиваешь себе печать на пропуск во дворец Просветлённого: раз мне не от чего спастись, стало быть, я уже спасён...

— Как это не способен? — удивился монах.

— Допустим, слишком слаб для убийства, слишком глуп, чтобы лгать, неуклюж, чтобы что-то украсть...

— И слишком несведущ в делах Закона, чтобы измыслить клевету на него?

— К примеру, да.

— Что же, всё сразу? Думаю, такое невозможно. Даже улитка хоть какие-то да способности имеет, а значит, может ими и злоупотребить.

— Если так, то и неспособность свою к чему-то тоже возможно употребить во зло? Вот этого мне бы и не хотелось...

— А в какой страсти ты ощущаешь нехватку? Похожий вопрос задали однажды моему учителю. Не дают мне взятки, сказал чиновник, как же я отрину порок лихоимства?

Туманный господин усмехается:

— Да-да, как раз похожий случай. Я желал бы смирить в себе распутную похоть, только уже не раз убеждался: смирять-то нечего.

— А очень хочется одолеть именно этого врага, чьи стрелы увиты цветами?

Не понятно, насмехается он или сочувствует. Впрочем, кажется, монаху неуместно и то, и другое.

— Хочется понять: это у меня благие задатки к праведности? Или уродство? Или что-то ещё?

Досточтимый Горимбо ненадолго задумался.

— Я далёк от столичной жизни. Но разве уродов сейчас назначают на придворную службу? Или должность за тобою числится, но приступить к ней невозможно?

— Жрецы меня во дворец допустили. То есть это не увечье и не врождённый недуг. С лекарями я толковал, они тоже ничего не нашли. Или не пожелали сказать. Предложили снадобье. Оно будто бы излечило от

бессилия трёх заморских государей... В Индии, в Китае и в царстве Сираги. Я принимал, толку ни малейшего. Вот я и хотел бы твоего совета.

По крайней мере, хоть монах и лекарь, но не велит: снимай штаны, посмотрим, что там у тебя. И то хорошо.

— Чтобы дать совет не вовсе бесполезный, — качает головой досточтимый, — мало услышать, что тебя не устраивает. Хорошо бы также знать, чего ты хочешь. Иметь успех у красавиц? Продолжить род? Избежать дурной молвы? Потому что едва ли дело ограничивается жаждой смирения страстей: их у тебя, сдаётся мне, и других хватает. Вот на тех лекарей ты же позволяешь себе досадовать? А зря, между прочим.

Туманный господин покаянно склоняет голову:

— Вот... Прошу помощи и сам же возвожу хулу на прежних помощников.

— Итак?

— Хочу, как я и сказал: понять, что со мной и как мне себя вести. Что мне решить насчёт красавиц, насчёт женитьбы, потомства и прочего.

— Не нравятся тебе красавицы? — участливо спрашивает монах. В этот раз, кажется, уже точно с издёвкой.

— Нравятся, да не тем, чем положено. Переписываться порой — одно удовольствие, особенно, если дама пишет сама, а не старшая родня от её имени. Слушать, как они играют на гусях или, тем более, на лютне. Как играют в шашки... Это иногда тоже замечательно, хоть, наверное, и нехорошо. Любоваться нравится, хотя для меня, увы, нет большой разницы, живая ли это девушка, или картина, или искусная надпись.

Мрачно потупился и продолжает:

— А как доходит дело до постели, то ни с красавицей, ни с умницей, ни с искусницей ничего не получается.

— Страшно? — спрашивает монах.

— Нет. Противно.

— А что именно? Всем пяти чувствам неприятно или какому-то одному, двум?

— Да, пожалуй, всем. А потом ещё и на сердце гадко. Они же думают, это из-за них, а не из-за меня. Как тут объяснишь...

— Так. Просветлённый перед тем, как уйти из дому, увидел своих наложниц и супругу в обличье трупов. Отвратительных, как он потом описывал, и на запах, и наощупь... Что-то подобное?

Касуми поднимает глаза на монаха, перемигивает.

— Жизнеописание Чтимого в Веках мне рассказывали, досточтимый. Не думаю, что это оно меня так впечатлило на всю жизнь. Барышни как барышни, говорят, шевелятся...

— Ясно. И как надолго это чувство остаётся? Вот расстанешься ты с женщиной — и потом до самого вечера мутит? Или до следующего утра, или сколько дней?

— Да нет. Отвращение быстро проходит. В отличие от стыда.

Помолчал и добавил:

— И даже если ни до какой постели дело не доходит, всё равно: стыдно. Заранее чувствую себя обманщиком. Внушаю какие-то ожидания, а оправдать их не смогу. Вот и сейчас. Выбрал для переписки барышню, с которой заведомо скоро ничего не сложится. А может, и вовсе не получится: она слывёт очень разборчивой. Сижусь сейчас за много вёрст от неё, причём не сбежав позорно, а с её ведома и одобрения. И всё-таки — чувствую, что я ей голову морочу. И сам себе... неприятен.

— С ведома и одобрения? — поднимает бровь монах. — То есть она тоже рада была бы от такого ухажёра избавиться?

— Это уж я не знаю. Барышня, по-моему, просто играет в прихотливую невесту. В царевну из сказки.

Досточтимый Горимбо поднял ладонь, останавливая собеседника. Задумался. Потом взглянул на Касуми:

— До меня, честно сказать, дошли некоторые слухи из уездной управы. Верно ли я понимаю, что за девушкой этой ухаживаешь и ты, и те твои товарищи, с которыми в прошлый раз приходил? И правильно ли догадываюсь, что барышня эта — из палат царевича Оу, тогда же поминавшегося?

— Поражён твоей пронизательностью, — сердито отвечает Туманный господин. — И осведомлённостью прихожан сего храма.

— Тогда погоди немного.

И на этот раз монах замолчал надолго. То ли молится про себя, то ли рассчитывает что-то, то ли просто размышляет. Наконец молвит:

— Если так, неправильно будет мне отделяться общими словами. Не обессудь: буду говорить прямо. Потому что меня это тоже касается.

Касуми кивает:

— В первый раз, когда царевич побывал в Серебристом Ключе, он следовал по стопам Мимбу Хиромаро. А через три года вернулся, чтобы забрать свои бумаги. Но — не только их, а ещё и девочку, дочку? И та особа, чьи стихи о столичной птице... Не важно, что она сочинительница, не учтённая в летописях песенного искусства, а важно, что она и есть мать барышни?

— Это твоя пронизательность внушает восхищение, — отвечает монах серьёзно. — Расскажи о барышне подробнее.

— Я особенно много не знаю. Слывет неприступной красавицей. То есть если с кем-то уже и обменялась клятвами, то, надо понимать, с человеком порядочным, кто не хвастается на всю Столицу. Почерк прекрасный, я думаю, с годами станет ещё лучше. Слог хороший. Няня у неё — женщина умная, кажется, и юной госпоже очень предана. Скорее ей, чем господину составителю государева Изборника. Другие дети царевича и их родня барышню, как я слышал, до сих пор числят за малое дитя, и сама она, и няня этим пользуются. Что ещё сказать? Жива, здорова и не особенно несчастна, если ты об этом.

— Не рассуди превратно, — говорит монах, и теперь голос его звучит глухо. — Я не собираюсь заявлять свои отцовские права или докучать ей... Барышне царевне. Матушку её я любил когда-то, но... Таковы уж, видно, воды нашего Ключа: тут каждый себе выбирает, кто сердцу ближе. И не важно, мужчина то или женщина: как выберет, так и будет.

— А царевич...

— Ведает ли он, чью девочку растит? Да я и сам точно не знаю. И по-моему, это не важно. Раз он за столько лет дитя домой не отослал.

— А матушка её...

— Она ещё до его возвращения скончалась. В повести сказали бы — от тоски, но на самом деле от лихорадки. Похоронена тут, при храме, если хочешь, могу показать.

— Дитя она тебе оставила?

— Нам с братьями. У меня-то жены не было, чтоб младенца кормить. Мы же и с нею в родстве были. Когда бабушка, та самая, старая стала...

— Та, кому писал стихи Хиромаро?

— Да. У бабки были только сыновья, мой отец и дядя, дочерей не было. И у тех — сыновья... Когда бабушка состарилась, нужен стал кто-нибудь, чтоб за ней ухаживать. Вот и вызвалась девушка из нашей дальней родни, перебралась в Ключ. Бабка с нею о песнях толковала, и вообще они хорошо ладили. Потом бабка умерла, а девушка так тут и прижилась. Мне бы раньше надо было решиться... А там — царевич приехал, стал у неё как у самого осведомлённого лица всё расспрашивать. Про песни, про тайные записи... Тоже влюбился, должно быть, хоть ненадолго. Куда мне с ним было тягаться? Он взрослый, даровитый, родовитый, хоть и скрывал, насколько знатного рода, но все и так поняли: высокая особа... Очень плохой я повод выбрал, чтобы в храм уйти, обидно даже.

Следовало бы, выслушав такое, пролить слезу сочувствия. Но господин Касуми вместо этого вскакивает на ноги. Лёгким шагом прохаживается взад-вперёд по крыльцу.

— Замечательно! Пришёл за добрым советом, а получил ответ на царевнин вопрос. И что мне теперь: возвращаться и свататься?

— А зачем, если не хочешь? — спрашивает Горимбо. — Не думаю, что этот рассказ для тебя что-то изменил.

— Ничего и не изменил. Не взыщи, досточтимый, но кабы мне помогали примеры из чужих любовных историй, так незачем было бы так далеко ехать. Ты думаешь, я не пробовал этак... вдохновляться?

И собрался уходить. Быть может, ни разу помощник блюстителя кладовых не бывал так зол. Видел бы его сейчас кто-нибудь из Столицы...

— Я вот что спросить хотел, — в спину ему говорит монах. — Женщины тебе отвратительны, я понял. А мужчины?

Господин Касуми не оборачивается, но остановился.

Всплеснул рукавами. Расхохотался, закинув голову.

— Немыслимая пронизательность! Непостижимая! И что толку?!

— Понимаешь, — продолжает Горимбо, — Как видно из моего рассказа, в делах с женщинами я советчик плохой. Но таких, кто их избегает вот по этой причине, встречал немало. И в обителях Южной столицы, и вообще. Может, и смогу что-то присоветовать, если ты не торопишься.

Очень медленно Касуми разворачивается. И возвращается на крыльцо.

17. Смятение

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Просыпаюсь — ещё темно, но на крыльце бубнят, во дворе бегают с фонарями. Послал Бана глянуть, что происходит, оделся и сам выбрался наружу. Там столпились почти все обитатели управы, за перегородкой шуршат платья женщин, тут же и Кёгэн, и сам господин Гингэн в домашнем халате сидит на циновке — и лицо у него странное. А напротив него — воин Ёри. Голова перевязана, кафтан в засохшей крови, правый рукав подвязан к левому плечу, чтоб рука покоилась невредимо. Сидя кланяется и повторяет:

— Помогите спасти господина!

Все шумят и поминают разбойников. Я пробрался поближе, уездный как раз спросил Ёри:

— Говори по порядку: как и где на вас напали? И зачем вас понесло в лес?

Воин в ответ:

— По следу шли. За вашим стражником. С вечера.

— Кто приказал?

Ёри глядит на уездного как на болвана и отвечает:

— Младший воевода.

— Ладно. И что дальше?

— След был. Дошли до опушки. Темнело уже. Думал — потеряем. Слышим — говорят. Глядим — вот он. Одет как ваши. С ним — ещё четверо, незнакомые.

— И что?

— Ничего. Ваш связан. Не то чтоб не мог высвободиться, но — нет. Младший воевода им: немедленно освободить казённого человека! Они: шиш, мол. Мы за сабли. Они тоже.

— Эти четверо были с саблями?

— Одна сабля, два топора, палица и ножи. Хорошо — без стрелков. Плохо — много их. Надо было нам стрелять.

Теперь, кажется, господин Гингэн смотрит на Ёри — не как на дурака, но даже хуже.

— Ну?

— Одного мы точно положили. Насмерть. Другого порезали. Тут мне топором пришло. Очухался ночью — никого. Увели господина. Или унесли. Помогите спасти! — и снова бьёт челом.

Зачем, спрашивается, было договариваться держаться заодно, если всё равно все действуют порознь? А некоторые ещё и глупо действуют. Уездный-то прав: братья сразу за оружие, несомненно, было ошибкой.

Однако всё, кажется, не совсем плохо: если бы Чистопольца убили, то там бы, наверное, и бросили, и его человека дорезали и ограбили бы. А так — Ёри без оружия, но одет и даже в сапогах. Видимо, Киёхара захвачен в плен.

— Я одного не понимаю, — негромко спрашивает господин Гингэн. — Почему вы мне ничего не сказали?

Тут, похоже, Ёри замаялся, но отвечать не стал: только продолжает умолять о помощи. А под конец просит, совсем уж безнадежным голосом:

— Или давайте я в земельную управу поеду. За подмогой.

— Куда тебе ехать сейчас?

— В седле удержусь. Только залезть помогите.

Уездный встаёт, взмахивает рукавами:

— Ладно. Придётся выручать твоего младшего воеводу. Отведите его отдохнуть. Начальник охраны — со мной!

И, разгневанный, уходит в дом.

Мы с Баном и Кёгэном помогли Ёри добраться в отведённый Чистопольцу покой. Рука у него, похоже, перебита, сам весь белый и ноги заплетаются. Я не лекарь, но ясно: до земельной управы он такой не доберётся. Ёри попросил принести ему браги, но не выпил — раньше то ли уснул, то ли чувств лишился.

Кёгэн качает головой:

— Ужасно! Ужасно! Мой господин до сих пор не объявился. Хорошо, если заночевал в храме, — а если нет? Обстановка здесь, как можно убедиться, много опаснее даже, чем мы предполагали! Отправлюсь за ним, убежусь, что господин в безопасности.

Что я тут мог сказать, не показав себя полностью бессердечным?

— Погоди немного, мы с тобою. Может, заодно монаха-лекаря к раненому позовём.

— Прекрасная мысль, сударь! Не вылечит — так хоть отпоёт!

К тому времени, как мы собрались в храм, в управе уже все были в полном смятении. Бегают охранники, явились поселяне из деревни и о чём-то умоляют; на конюшне, когда мы наших лошадей седлали, все суетились из-за пропажи какой-то рыжей кобылы... На наш отъезд никто и внимания не обратил, но уездному я оставил записку, чтобы тот не волновался.

Туманного господина мы в обители нашли. Живого и невредимого, хоть и видно по нему, что всю ночь не спал. Рассказали новости, Кёгэн стал господина уговаривать немедленно уезжать. Монах послушал, нахмурился и сказал:

— Погодите-ка лучше здесь. Я схожу, посмотрю раненого, узнаю, что творится. Храм не тронут.

Как-то странно на досточтимого поглядел помощник блюстителя кладовых. А на него — Кёгэн. И все молчат.

Монах взял посох, чашу, узелок с лекарствами и ушёл.

Рассыльный Бан молвил:

— Всё более сомневаюсь я, что в сложившихся обстоятельствах поиски помилованного Тюхэна в этом уезде увенчаются успехом. Не лучше ли отправиться к господину наместнику? Доложить о происходящем и просить помощи.

И бросить Чистопольца неизвестно где, если он вообще ещё жив? Оставить царского родича в захолустном храме в такую пору? А потом я же должен буду как очевидец всё это рассказать царевне? Старому воеводе, Властителю земель, и в конце концов, среднему советнику Намме?

Кстати, а как отец поступил бы на моём месте? Одно я знаю точно. Бану он сейчас ответил бы: доклада у нас для наместника нет. То, что мы пока знаем, — слухи, обойтись ими одними чиновник Полотняного приказа может только в единственном случае. Если собирается представить дело так, будто Приказ же сам всё и устроил. Но коли так, то уж посылали бы сюда кого-нибудь более сообразительного! Потому что я не понимаю, зачем всё это нужно Приказу. Или Коноплянному дому, или Государю, в конце концов...

Но я не готов всё брать на себя. А значит, надо проверить рассказ дружинника. То, что Ёри ранен, ещё ни о чём не говорит. Мы ведь не знаем, что за дела у него с младшим воеводой. Может, давняя вражда, может, Чистополец его затем и прихватил с собою, чтоб глаз с него не спускать. А парень воспользовался случаем: раз тут разбойники, можно свалить на них что угодно.

Кроме того. Вот сидит передо мною господин Касуми. И лицо у него — будто он не просто ночное бдение свершил, но полчища демонов отражал. А что, если это он ночью с Чистопольцем дрался? Причина есть: за царевну. Правда, откуда взялись остальные бойцы, которых Ёри описывает? Может, тайная свита следует за Туманным, а может, дружинник врёт. Потому что этакий поединок, если узнают о нём, всему Чистополью дорого обойдётся. Не знаю, правда, как бы Туманный справился с Киэхарой, да ещё остался невредим. На столь отменного бойца он не похож. Тут бы батюшка молвил: только чудес не хватало! Но я бы, скорее, допустил, что Касуми просто вызов бросил, а остальное предоставил своим людям.

Или ещё неприятнее. Кажется, от того же Кёгэна я вчера слышал, что младший воевода чуть ли не час провёл утром на конюшне наедине со здешней барышней, дочкой уездного. Понятно, конечно, что ничего неподобающего там произойти не могло: станет ли человек, метящий в женихи к царевне, любезничать с невзрачной девчонкой из глуши? Мне-то

понятно, а уездному? Отцы склонны преувеличивать очарование своих дочерей. Даже мой, если уж на то пошло... Господин Гингэн мог счесть себя опозоренным в собственном доме и расквитаться с обидчиком. Уездному для этого никакой тайной свиты не нужно — тут хватает его людей.

И то, и другое равно безобразно, но хотя бы не бессмысленно. В отличие от рассказа Ёри: с какой бы стати Чистопольцу отправляться на розыски чужого стражника? Тем более что и с охранником этим непонятно, на кого он работает: на уездного или на разбойников? Впрочем, господин Киёхара с безумной старухой не беседовал, откуда ему знать...

— Скажи, рассыльный Бан, — говорю я, — а не осмотреть ли нам место происшествия?

— Сомневаюсь, господин делопроизводитель, что это наша обязанность, — кисло отвечает Бан. — Не говоря о том, что со слов телохранителя Чистопольского господина я не уразумел, где произошли описанные им события.

— Вот я и предлагаю поискать.

Туманный господин поднимает голову, машет уже раскрывшему рот Кёгэну: не вмешивайся!

— Я бы счёл разумным дождаться досточтимого с новостями.

Вот и отлично. Если Касуми как-то причастен к случившемуся, меньше всего я хотел бы заниматься сыском у него на глазах.

— Что ж, — отвечаю, — не сомневаюсь, что досточтимый прекрасно знает здешнюю округу и вам не составит труда разыскать нас, когда он освободится.

Встал, поклонился и вышел. Бану ничего не оставалось как последовать за мною.

— Послушайте, — говорит вслед Туманный, — это может быть действительно опасно. Не ходите!

Теперь и мне уже невозможно отступить. Бан, однако, оборачивается:

— У господина помощника блюстителя кладовых имеется какое-то объяснение происходящего? Или дополнения к изложенному?

— Нет, я тоже не понимаю, что творится, — отвечает тот. — Но, господин Намма, что я хотел сказать... Я, кажется, разгадал ту загадку, которую барышня Лунный Блеск мне задала. И выхожу из этой затеи. Я не стану свататься. Полагаю, ты должен об этом знать.

Другой на моём месте развернулся бы и засыпал Туманного господина расспросами. Я не таков — просто поклонился:

— Благодарю. Осталось обрадовать сим Чистопольца.

И мы с Баном покинули храм.

18. Приметы

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Следы, по которым накануне вечером шли — или якобы шли — Киёхара с дружинником, конечно, давно затоптаны. Да и не следопыт я. Однако вспомнил, где в прошлый раз управский писарь встречался с молодцами Дядьки, и направился на опушку. Бан всю дорогу угрюмо молчал.

Пришли — никаких примет побоища. Что тут делать? Рассыльный, однако же, разомкнул уста:

— Неприятно. По крайней мере, часть рассказа дружинника Ёри не противоречит тому, что мы видим. Впрочем, я и не подозревал, что он мог сам нанести себе подобные раны.

Вот ненавижу я такое «мы видим», когда ничего не вижу! Пригляделся, куда указывает взглядом Бан. Эге! Действительно, похоже, что тут кто-то шёл из леса, и даже не шёл, а местами полз — в грязи отпечатались не только ноги, но и пятерня. Здоровенная, как у Ёри. А вот эти пятна, вполне возможно, от крови.

Заглянул чуть глубже — точно, по кустам видно: словно кабан ломился. Такой след не заметить даже я не мог бы, просто Бан поспешил меня опередить. Попробовал проследить дальше, на всякий случай прислушиваясь: нет ли засады или погони? Вроде бы нет.

Я ведь даже не узнал, вояки из Чистополя были пешими или конными. Но лошадь тут точно не продиралась. И чем дальше, тем больше крови — даже на палой хвое заметно. Особенно начиная с одного места, где, похоже, Ёри присел передохнуть.

— Тут он, видимо, перевязал раны, — кивает Бан.

Чем хорош такой очевидный след — заблудиться невозможно, дорогу назад наверняка найдёшь. Мы идём по лесу уже больше четверти часа — сколько же полз раненый?

Дальше меж деревьев — прогалина с кострищем. Угли уже остыли, я проверил. И драка тут, похоже, правда была — всё истоптано, размётано, ветки поломаны. И опять кровь, в одном месте — целая лужа была, да уже впиталась. Сколько бойцов сражалось — это я так на глаз не определю, конечно.

С одной сосны чуть выше моего лица кора сбита. Оружием задели? Тогда точно не саблей, тупым чем-то. Может, и впрямь обухом топора.

Что самое странное: там, откуда мы пришли и куда полз Ёри, след широкий и явный. Но я не вижу, куда ушли остальные. А ведь их было несколько человек, да если они ещё волокли пленного и тащили убитого... На всякий случай я обошёл всю прогалину кругом. Нет, ничего не вижу. Как дурак, задрал голову, будто разбойники могли взлететь птицами и затаиться в ветвях.

На сосне, на высоте в четыре-пять моих ростов, действительно сидит человек. И сидел, похоже, всё время, что мы тут рыщем. С луком в руках. Встретив мой взгляд, улыбается:

— Здравствуй, Полотняник.

По мне, значит, заметно, что я из Приказа, а по Бану — нет? Кстати, где Бан?

Нету Бана. Зато между деревьями вокруг прогалины показались ещё несколько человек. Не поручусь, но одного я, кажется, знаю: это насчёт него рассыльный в деревне проверял мою наблюдательность. Только сейчас этот малый не с топором, а опять-таки с луком. А пока я свой вытащу...

Впрочем, я же не Чистополец. Учтиво кланяюсь тому, кто на ветке сидит, как небесный пёс: похоже, он у них главный. Достая свиток и объявляю:

— Государево помилование ссыльному Тюхэну, осуждённому по делу Поверочной палаты. Имею приказ вручить лично.

И добавляю:

— Больше не знаю, к кому обратиться. Ежели это вы — люди атамана, именуемого Дядькой, то ищу вашего содействия.

— Посторонись-ка, — просит он сверху. Пристраивает лук за плечо, начинает спускаться. И с полдороги спрыгивает. Хотел бы я так уметь!

Вглядываюсь теперь уже изблизи. Нет, сам он Тюхэном быть не может: молод, примерно моему отцу ровесник.

Точно, главарь. Глаза тигра, брови дракона. Усы не знаю, чьи. Голова непокрыта, только лоб повязан тряпицей, а дальше волосы торчком, как у Стража Закона. Ухмыляется зверски, но поклон отвешивает. То ли мне, то ли Государеву указу.

А вот таких чудес не надо! Это известный способ заморочить: чтоб человек в супротивнике либо себя самого увидел, будто в зеркале, либо кого-то знакомого. Но я-то знаю: того, о ком я подумал, тут быть не может. Он вообще умер давно. А если возродился, то ещё не вырос. Не так-то много лиц, на кого я смотрел вдоль стрелы. Был бы тут вправду родич наш Хокума, я бы не сомневался. Значит, морок.

— Низко было бы отказать в содействии Приказу, — молвит разбойник. И голос точно не тот, гораздо ниже. — Но пока не вижу, чем могу быть полезен. Идём, обсудим.

Мигнул своим молодцам, те шагнули назад — и словно не было их. Но едва ли и они наваждением созданы. Атаман двинулся по лесу, будто тут сад и дорожка ему привычна. Я, однако, заметил:

— Со мною был служащий Приказа...

— Если сам не споткнётся на бегу, мы толкать не станем.

Ну, бросил меня Бан или нет, или за подмогой поспешил, или какой у него расчет, я всё равно сейчас проверить не могу. Двинулся рядом с Дядькой. Тем более что скоро сообразил: отстану — точно заблужусь.

Разбойник по дороге непринуждённо рассуждает:

— В последние годы в здешних окрестностях никаких ссыльных не было. Услышав о розысках этого Тюхэна, я полюбопытствовал: может быть, он проживал тут раньше, когда я обретался в иных местах? Свидетельства, как говорится, противоречивы, но в основном бессодержательны. Имя это никому здесь ничего не говорит. Что до внешности... кстати, господин снабжён списком примет ссыльного — то есть помилованного?

— К сожалению, нет.

— Так я и думал. Не в укор будь сказано, я счёл уместным задействовать связи, которых у господина, полагаю, в здешних краях пока нет. И описание получил — даже два.

— Они могли бы оказаться бесценны для меня, — говорю.

— Не уверен: оба старые. У некоего Тюхэна, четверть века назад проживавшего в Столице, была воловья упряжка. Один из волов занемог, к нему вызвали скотьего лекаря. Так уж случилось, что с тем лекарем мне удалось встретиться и расспросить его — он, видишь ли, тоже был вынужден Столицу покинуть по причинам, которые к делу не относятся. Сам заказ коновал запомнил: говорит, для такого мелкого чиновника иметь свой выезд было необычно. Но вот внешность Тюхэна вспоминает весьма расплывчато: не приглядывался к заказчику. Вот вола описал — как живого!

— Понимаю... Однако и это уже кое-что!

Атаман кивает:

— Но всё же — недостаточно. И никого похожего тут с тех пор лекарь не встречал — или не узнал. Я подумал: а ведь могло выйти так, что приговорили одного, а в ссылку за него отправилось совсем другое лицо. Не задаром, конечно, но этот чиновник явно не бедствовал. И наверняка что-то припрятал, прежде чем ваши его имущество изъяли.

— Вынужден признать, что такое могло случиться.

— Не продолжить ли разговор под крышей? — указал вперёд мой спутник.

Эту хижину мы с Баном уже видели, нам говорили, что тут, может быть, жил какой-то столичный грамотей. Бан ещё унюхал, что там варили брагу, да и это дело бросили больше года назад. Что ж, можно и тут потолковать. По крайней мере, знакомое место: отсюда я легче найду дорогу в Ключ, чем из чащи.

Лачуга, впрочем, выглядит уже иначе, чем несколько дней назад: здесь подмели, на пол бросили чистые циновки, корзины какие-то стоят. Разбойник предложил мне располагаться, сам уселся напротив.

Что я точно помню — хижина эта не разгорожена и пристроек никаких нет. То есть если Чистопольца где и прячут, то не тут.

— Итак, — продолжает мой собеседник, — мне подумалось: ежели такое злоупотребление возможно, то были ли приняты какие-то меры во избежание? Проверил — точно, были. Когда ссыльного сюда направили, среди сопроводительных бумаг имелся и список примет. С тем, что помнит коновал, не вполне сходится, и всё же — может, пригодится?

Не вставая с места, запускает руку в корзину, роется там наощупь и вытаскивает изрядно грязный листок. Протягивает мне.

Это, конечно, список, а не подлинник, но бумага составлена по всем правилам Приказа. Имя осуждённого, родственные связи; рост, вес, осанка (сутулится), голос (пронзительный), даже особая примета значится: мочка левого уха как бы раздвоена. Если не подделка — действительно ценнейшая грамотка. Любопытно только, как она оказалась вот тут и не обнаружилась в земельной управе, куда я обращался уже дважды?

Собственно, об этом я и осведомился — по возможности учтиво. И заодно уточнил: как величать моего собеседника?

Тот махнул рукою:

— Тут меня зовут Дядькой, но это, конечно, может звучать неподобающе. Другие именуют меня Барамон — думаю, сойдёт! А что до этого листка, то изволь: незадолго перед тем, как нынешний наместник принял дела, да и некоторое время после, управскими бумагами тут не то что на каждом углу торговали — даром можно было получить! Кое-что, особо неприятное для прошлого наместника, пропало навсегда; а кое-что дожило до нынешних дней. Ну, мне два года назад предложили некое собрание образцов изящного почерка, я не отказался. Правда, эта бумажка мне тогда ценной не показалась — а вот гляди-ка, пригодилась и она!

Листок я спрячу, поблагодарю, однако уточню:

— Насколько понимаю, никого, подходящего под эти приметы, в Серебристом Ключе ныне не проживает?

— Приметы-то старые — и за меньший срок человек может измениться до неузнаваемости. Но если описанная особа здесь и обретается — то точно не в качестве ссыльного. Ссылных тут нет.

Надеюсь, дальнейшее не прозвучит слишком прямолинейно:

— А среди твоих... товарищей? Нет такого?

— Нету, — разводит руками Барамон. — А и был бы... Сам рассуди: чем такой Тюхэн занялся бы, кабы вернулся в Столицу? В лучшем случае сел бы на шею родне. А то, пожалуй, получил бы опять должность и снова начал воровать. Прикрываясь Государевым прощением.

— Ну, допустим. Но это не ответ. Если он не нужен в Столице, это не значит, что не пригодился бы кому-то здесь. Не как ссыльный, а как тот же мошенник или вроде того.

Атаман нахмурился:

— Мошенников тут местных хватает. Если обо мне говорить, мне честные люди нужны.

— Честные... А для чего?

— Ну, вот. Так бы и начинал. Я сразу понял, что тебя не за помилованным сюда прислали. Что ж, могу объяснить.

19. Вервие

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

— Я не говорю, что все чиновники нечестны, — молвит Дядька. — Хотя в вашем ведомстве, думаю, на их счёт обольщаются меньше, чем в иных. Я не говорю, что они глупы. Но — скажем так, несведущи. Скажи, господин делопроизводитель: сколько, по-твоему, податных душ вот в этом Серебристом Ключе?

— Приказ этим не занимается, но я кое-что узнавал по бумагам, отправляясь сюда, — отвечаю я. — Три тысячи восемьсот с чем-то.

— Вот. А на самом деле, если подсчитать, — как бы не семь-восемь тысяч получится. По головам их последний раз считали невесть когда, лет сто назад или больше, с тех пор исходили только из учёта прироста по местным сведениям. А какому-нибудь Сабуро из Серебристого Ключа выгоднее сказать, что у него один сын, чем признаться, что трое, и единожды дать подарок, чтобы двоих из сыновей не приметили, чем платить подати и ходить на отработки всю жизнь и этим двоим, и их детям, и внукам.

— Но постой. На каждого сына этот крестьянин получает надел земли — а если дети за ним не записаны, это оказывается ему в прямой убыток.

— Сколько в Ключе обработанной земли — это другой вопрос, смежный. Будь уверен: если б её было столько, сколько значится в столичных записях, здесь уже с голоду друг дружку ели бы. У неучтённых сыновей Сабуро и поля неучтённые, и огороды — они сами под них лес расчистили, с соседями, учтёнными и не учтёнными, воду подвели, сами там и работают. Облачная держава велика и многолюдна — куда многолюднее, чем кажется из Столицы. А управлять ею пытаются так, будто в ней народу много меньше, чем на самом деле. Законы и обычаи державы восходят ко временам, когда Великий Властитель Земель Копьём уязвил земли, Вервием их стянул. Но вот, чтоб ясней было: Великого Властителя сопровождала дюжина сподвижников, у каждого — жёны и дети. А сколько сейчас человек в любом из этих родов? В твоём, к примеру? Где десятки, а где и сотни... Так простой народ, скажу я, плодится примерно так же, как и Государевы сподвижники.

Я представил. Это же какое множество получается! Ответил — не столько чтоб возразить, сколько чтобы лучше разобраться:

— Но если в стране народу путь даже только вдвое больше, чем считается — она должна была бы давно прийти в смятение из-за несоответствия законов и обычаев действительности. Если учётом охвачена только половина народа...

— На самом деле — меньше. Но ты прав, кабы этим дело ограничилось — давно настала бы смута и полное беззаконие. Ну, или в Столице спохватились бы и начали применять древние установления к нынешнему

положению. Однако заметь! То, что неведомо в Столице об этом уезде, прекрасно известно всем в самом Серебристом Ключе. И в земельной управе — тоже. Я скажу: главная опасность — в этом. И главная нечестность — тоже.

Разбойник хмурится. Впрочем, похож он сейчас уже больше не на разбойника, а на мудрого советника из простого народа, что приходили к китайским государям древности. Продолжает:

— Вот наместник собирает Государеву подать с Приволья. Из Серебряного Ключа Столице причитаются налоги с названных тобою неполных четырёх тысяч. Часть из этих средств идёт на поддержание казённых дорог и каналов, на прокормление положенного числа земельных стражников, местных чиновников и так далее. А сверх того господин Мино собирает подати ещё, скажем, с двух-трёх тысяч жителей Ключа — тех, кого в Столице недосчитались, а он-то их учёл, они у него на виду. И вот эти подати за пределы Приволья не выходят, идут на наместничьи нужды. Конечно, кое-что перепадает и Столице. Нынешний наместник, к примеру, племянник предыдущего, оба сидят здесь не по одному сроку; чтоб такое устроить, немало пришлось, думаю, подарить. Но оно окупается: Приволье не переходит в чужие руки уже много лет, семье Мино не приходится тратиться на обустройство в другом краю, где народ ещё надо сосчитать и заставить платить. И так не только в Приволье — и в Озёрном краю, и на Подступах, о восточных землях уж и не говорю. Где руководят наместники — во втором, третьем, а то и четвёртом поколении; где воеводы, где местная знать, что наместниками крутит, как хочет, где — сильные храмы... И что получается? Такой земельный, обобщу, правитель — больше имеет с края, чем с казны, а нередко и больше, чем с края имеет казна. Власть его в этой земле сильнее, а без Столицы ему обходиться всё проще. Закон же и обычай тому помехой не становится.

Если это хотя бы отчасти правда, то, получается, в половине земель Облачной державы созревает мятеж. Но никого ни в чём не обвинишь: без тщательнейшего расследования, обмера земель, учёта жителей... А каково будет расследовать, я уже сам по Серебристому Ключу вижу.

— И это только полбеда. Кабы можно было надеяться, что местным самоставным князькам хватит того, что они имеют со своих земель, оно было бы ещё не страшно. Но так не бывает. Даже здесь в деревне Лысые завидуют Косым, а Щербатые Лысым... Рано или поздно и господину Мино тесно станет в Приволье, захочется, допустим, Охвостье захватить. На дальних границах такие войны давно уже идут. Где, ты думаешь, знакомый твой Чистополец в прошлый раз ранен был? В битве с дикарями? Соседний воевода, я думаю, в тот раз тоже с дикарями сражался, по грамотам. На деле дикарей косматых чтобы найти — надо за море переправляться. А на наших островах давно уже дикарём не проживёшь. Какие были — или землю пашут, или воют: за одного рубежного воеводу против другого. Ну, или полегли давно.

— Кстати, а где Чистополец? — спрашиваю я.

— Сидит думает. Не бойся, жив он.

— Над чем думает?

— Над тем, — говорит разбойник, — с кем он сюда-то воевать приехал. Лысые, Щербатые, Клеймёные у нас есть, а вот Диких доселе не было.

То есть если, не дайте боги, до усобицы дойдёт, то и войска у этих земельных начальников неучтённые будут? И во сколько раз они окажутся сильнее законных Государевых полков?

Но я, кажется, начинаю понимать:

— Ты сам и твой отряд как раз такие? Неучтённые люди?

Дядька качает головой:

— Такие, да не такие. Списки у нас собственные, это верно. В Столице мы никем не числимся. Но и у наместника, здешнего или соседнего, тоже на службе не состоим.

— А у кого вы на службе?

Усмехается:

— Как тебе сказать... Разве что у Великого Властителя Земель. Вервие ослабло, земли расползаются в разные стороны. Надобно их стягивать. Государь в Столице это делает обрядами, а мы на местах князькам и прочим умникам лишней воли не даём.

— А вы это кто? И сколько вас?

— Пробовал нас уже считать господин Мино. Если хочешь, у него справься. Мы — честные люди, кто эту страну держит вместе. Говорю же: народ расплодился, сейчас её с дюжиной товарищей всю не удержишь.

Может, это пустая похвальба. Должен же разбойник, если он не вовсе неграмотный, чем-то себя оправдывать. А может, и вправду заговор, да куда большего размаха, чем у господина Мино.

Был бы я мудрец, мне бы следовало этакого незаурядного человека призвать на Государеву службу, раз он так о державе печётся. Но он словно угадал, о чём я думаю:

— Прикинь сам: вот нас сосчитают, оценят, пожалуют чинами и должностями. Кого-то в Столицу переманят, кого-то начнут перекидывать из одного конца страны в другой, из ведомства в ведомство. Сеть не должна спутываться. И провисать не должна. Пока — натянута.

А потом говорит:

— Я тебе рассказал всё, как есть. Что из этого пересказывать отцу, что Государю, сам реши. Всяко выйдет, съездил не зря. Из чистого любопытства спрошу: а кто тебя сюда направил? Приказ? Или Конопляный дом? Или сам Властитель Земель?

Отвечу ему в лад:

— Хочешь верь, хочешь нет: я сам напросился. По стопам стихотворца Хиромаро. Тебя искать мне не поручали.

— То есть втёмную послали?

— В общем, наверное.

Атаман понимающе кивает. А у меня опять не складывается: если барышня Лунный Блеск и меня, и Киёхару, и даже господина Касуми наладила именно в эти края — значит, это она разбойную сеть выслеживает? По чьему наказу? От государыни-матери? От самого Государя? Или это всё царевич Облачный Покров? Кто, как не он, знаток прекрасных мест по всей державе, в прошлом много путешествовал... Нет, глупость какая-то.

Тут в дверь заглядывает рожка:

— Слышь! Тут у нас девчонка поймалась. К тебе просится.

Разбойник Барамон поднял одну бровь, потом другую. Кивает:

— Давай её сюда.

Вводят девушку, даже, я бы сказал, барышню, хотя платье у неё уже измазано в земле и зелени. На вид лет четырнадцать, не сказать, чтобы красавица, смотрит решительно. Атаман кланяется, не вставая с места:

— Здравсьте, барышня Гингэн. Какими судьбами?

Девушка набирает воздуха побольше и произносит:

— Я сейчас буду говорить, Дядька, ты меня не перебивай, не дослушав. Твои люди захватили воина-северянина, моему отцу об этом сообщили. И другие два столичные господина пропали. Одного я уже вижу. Господин

уездный начальник решил, что теперь ему всяко головы не сносить, и подымает войско.

— Войско? — насмешливо переспрашивает Барамон.

— Я сказала: не перебивай! Уж какое есть. Вас больше, вы наших побьёте, но и своих потеряете. А после уж точно наместник пришлёт настоящие войска. Тебе придётся или драться, или уходить. У тебя тут все дела уже сделаны? Давай так: когда господин Гингэн придёт, предложишь ему разойтись миром. Скажешь, что у тебя в заложниках не только столичные гости, но и его дочь. Может, хоть так обойдётся...

Поистине, пример дочернего самопожертвования! Я-то думал, тут песенный край, а это уже больше на материковые летописи похоже.

Разбойник смотрит на неё задумчиво. Чуть вскинул голову, прислушивается. Я тоже слышу: где-то далеко бьет барабан. Только звук какой-то странный.

— Что ж, барышня, можно попробовать, — говорит Дядька и встаёт. — Эй! Барышню спрячьте вместе с пленным. Собираемся. Лекарь пусть ранеными займётся.

Девица дёргает себя за рукав. Оторвала, подаёт рукав ему. Атаман принял, сунул за пазуху. Барышню увели.

Прежде чем вооружаться, Дядька Барамон стряхивает повязку с головы, перетягивает потуже. И завязывает — ох!

Особым родовым узлом Конопляного дома он эту тряпку завязал. Вот именно тем, как Вервие Государево вяжут.

И кивает мне:

— Пойдёшь со мной?

20. В Серебристом Ключе: рассыльный Бан

Рассыльного Бана никто не преследовал. Это радовало, но не удивляло: наверняка мятежники считали его слишком мелкой сошкой. А что речь идёт именно о мятежниках, а не просто о разбойниках — сомнений уже нет. Даже о двух мятежных станах: один, в земельной управе, выжидает, другой, лесной, перешёл к действию. Прискорбно, но оставаться меж ними и дальше не удастся — придётся искать помощи у наместника, несмотря на всю его дерзость. Захват или убийство Чистопольского младшего воеводы — это ещё куда ни шло, хотя уже не могло бы остаться без последствий, но чиновник из Конопляного дома — тут бездействие Бана будет расценено вполне однозначно. А поскольку бездействовать ему придётся уже не впервые, и опять в связи с наместником Приволья... Ниже рассыльного в Приказе должностей нет, увы.

Однако прямо сейчас пешком отправляться к господину Мино было бы неразумно. Нужна лошадь. Нужны грамоты, оставшиеся в уездной управе. Нужно по дороге подобрать убедительные слова. Наместник должен понять, что теперь или он наводит порядок во вверенной ему земле быстро и решительно, или этим займётся Столица, невзирая на все его связи. И при таком замирении края можно будет похоронить не только нежелательные слухи и наглые предположения, но и самого наместника.

На подходе к Серебристому Ключу Бан издали увидел: бредёт в сторону храма здешний монах, за ним двое мужиков несут кого-то на

носилках. Подходить не стал, чтобы времени не тратить, двинулся сразу к управе.

В посёлке, однако, суеты стало даже больше, чем утром. Жители толпятся вокруг управы, а что происходит там — не видно. Неудачно, что в храм Полотняники утром отправились в должностном платье, а не в обычном дорожном — в мужицкой толпе должностное приметнее. Однако Бан служил в Приказе больше двадцати лет, и навык не подвёл: через полчаса он оказался уже внутри, в отведённом им с делопроизводителем покое.

Даже сторонний человек сказал бы: здесь был обыск. А Бан уточнил бы: не настоящий обыск, следы которого должны быть неприметны, а прямой разгром. Всё перерыто и разбросано: одежда, бумаги, писчие принадлежности... Бан переоделся, сгрёб все грамоты: записи его совершенно безобидны, всё главное чиновник должен держать в уме. Расписок на получение дорожного довольствия, конечно, нет — кто бы сомневался. Ничего, до земельной управы всё равно придётся добираться негласно, а там уж пусть наместник делится. Несколько лет назад господин Мино презрел благодарность, забыл про оказанные ему Баном услуги, не заступился — теперь придётся волей-неволей расплачиваться и по старым счетам.

На Приволье в ту пору нацелились две столичные особы. Племянник тогдашнего наместника, господин Мино, и средний советник из ведомства Народных дел. Делопроизводитель Бан как раз занимался вопросом: сколько этот советник нажил на народных делах. Выяснил много любопытного, но в Приказ не доложил, а продал сведения, подобные драгоценной яшме, самому Мино. Тот их, понятное дело, обрушил на голову соперника, должность в итоге получил беспрепятственно. А теперь, выходит, добра не помнит. Даром что Бана из-за того случая разжаловали в рассыльные.

Остаётся добраться до лошадей. На конюшню Бан пробрался — а вот уже там оказался в небольшой, но плотной толчее. Конюхи, стражники, какие-то неуместные тут домашние слуги и даже крестьяне... Бан поколебался: выводить свою лошадь или коня письмоводителя, тот получше? Зато непривычен к этому седоку, так что лучше уж свою, на которой всю дорогу ехал.

Едва рассыльный оседлал лошадь и повёл её во двор, какой-то малый грубо схватил его за плечо:

— Куда?

— По Государеву делу! — твёрдо молвил Бан.

— Любые отлучки, того, строго запрещены господином уездным — не слыхал, что ли? А то этак все разбегутся!

— Я не нахожусь в подчинении господина уездного начальника! — возмутился Полотняный чиновник.

— А вот разберёмся!

Вырвал из рук узду, а Бана потянул на двор.

Кажется, наместничьей дружины решили не дожидаться, как это ни глупо. Вся уездная охрана столпилась здесь — не меньше двух десятков человек, но и не более двух дюжин. При оружии, хотя и без доспехов, девять-десять человек — с осёдланными лошадьми. Плешивые, Косые и прочие недоумки из посёлка толпятся в воротах, бессодержательно шумят. У крыльца держат под уздцы хорошего коня, на крыльце стоит уездный начальник, господин Гингэн, и вид у него довольно нелепый: казённое платье плохо сочетается с колчаном, саблей и шишаком. Лицо под козырьком

шлема — белое и дёргается. К крыльцу грубиян и подтолкнул рассыльного Бана:

— Вот — утечь хотел. Государево дело, говорит...

Уездный поманил к себе Бана — прямо рукою, будто у него веера нету. Звенящим голосом спросил:

— Где твой начальник? И где Удзико?

На второй вопрос рассыльный ответить не мог хотя бы потому, что не знал, о ком речь. Ограничился было ответом на первый:

— Вынужден сообщить: в ходе обозрения окрестностей делопроизводитель Полотняного приказа Намма был схвачен разбойными злоумышленниками. Уповаю на содей...

— Так я и думал, — кивнул Гингэн. — Вы с самого начала договорились с Дядькой. Но вот что у вас хватит наглости украсть мою дочь — этого не ждал.

И рассмеялся дребезжащим смехом.

— Несомненно, тут какое-то недоразумение, — поклонился Бан. — Мы с господином делопроизводителем отбыли сегодня утром для посещения храма без женщин, лишь в сопровождении известного тебе Кёгэна, он может подтвердить...

— Может, и подтвердит, как сам обнаружится. Может, он и ещё много что подтвердит. Где моя дочь?

— Увы, не могу знать. Должен, однако же, указать, что подобный прискорбный случай с чиновником Приказа во вверенном господину уезде...

— Да уж куда прискорбнее! — мрачно перебил Гингэн.

— Данное нам поручение, по сути, выходит за пределы Серебристого Ключа, потому попрошу не препятствовать в обращении к земельным властям, — твёрдо заявил Бан.

Уездный посмотрел ему прямо в лицо, не отводя глаз, вытряхнул из рукава свиток — и рассыльному Бану стало очень нехорошо. Письмо от господина Мино, тот ответ, что доставил вчера гонец для Бана, точнее, для передачи в Столицу. Осторожно снятая и бережно наложенная вновь Баном печать теперь грубо сорвана, сама грамота измята — и явно прочитана...

— Не думаю, — медленно произнёс уездный, — что вы с делопроизводителем после этого можете рассчитывать на какую-либо помощь земельного начальства. Раз разбойник — ваш человек.

— Наш?

— Ну, вашего дома — какая разница? Я понимаю, вы выполняли приказ. Но кем бы ни слыл старый Конопляник — всё равно не верю, что он велел вам детей воровать! Это уж ты, сволочь, сам придумал.

Гингэн встал, сунул свиток за пояс, начал спускаться с крыльца. Рассыльный Бан рухнул на колени:

— Заверяю, что ни я, ни господин делопроизводитель сегодня даже не видели дочери господина уездного начальника!

— Трудно было бы ожидать, — негромко и очень сдержанно произнёс господин Гингэн и потянул из-за пояса саблю, — что ты признался бы. Но пытать мне тебя, знаешь ли, некогда.

Бан успел вскинуть руку и заслониться, прежде чем уездный наискось рубанул его. Хлестнула кровь из рассечённой шеи, рассыльный упал в пыль, а рядом — два его пальца.

Не вытирая сабли, Гингэн кивнул стремянному, вскочил на коня:

— Выступаем!

21. В Серебристом Ключе: Пленники

Младший воевода из Чистополя никогда прежде не бывал в плену у разбойников. Неожиданно было уже то, что его захватили, но не убили — наверное, рассчитывают на выкуп. Долго же им придётся ждать... Поэтому, видимо, и раны перевязали, и плечо вправили. И вообще не в яму бросили, как на Севере, а заперли в какой-то полуземлянке, даже окошечко есть — правда, не больше ладони. Впрочем, всё же связали — что и неудивительно: кроме Киёхары тут лежит трое пострадавших разбойников. Не из тех, что дрались с ним и с Ёри — там одного Чистополец, похоже, уложил наповал, а остальных едва поцарапать удалось, им даже отлёживаться незачем.

Ёри нет. Может быть — уже и в живых нет. Глупо пройти столько боёв в порубежье и погибнуть в мирных землях, так недалеко от Столицы. Впрочем, на поверку и Привольный край оказался куда менее мирным, чем думалось. Из разбойников, с кем пришлось драться, по крайней мере двое обучались у опытных наставников-воинов. Если б Киёхара не сосредоточился именно на этих противниках, презрев вчерашних мужиков, — может, и не оказался бы тут. А так — подбили сзади раненую ногу, навалились и скрутили...

Соседи не связаны, но им, к счастью, не до пленника: один вообще без сознания, другой нянчит подвешенную на перевязи руку и ни на что больше внимания не обращает. С третьим дело обстоит хуже всего: он, похоже, вообще не ранен, но в жару и, чего доброго, заразный. И короста у него на голове и лице какая-то скверная. Лежит далеко, но тут всё равно тесно.

Дверь наверняка заперта, да и связанному всё равно до неё не доползти — по крайней мере, не подняв шума. Да ещё наверху, судя по звукам, бродит сторож. Так что полночи Чистополец ворочался, сетуя на собственную глупость и прислушиваясь к боли в побитых и порезанных местах, а потом задремал. Когда проснулся — непонятно: уже вроде бы день. Лекарь, что вчера перевязывал, соседей уже покормил, а пленным, похоже, еды не положено. Значит, едва ли дело в выкупе.

Потом наверху ругались — кто-то рвался в землянку, а его не пускали. Ещё через несколько часов двери отворили, в проёме — целая толпа под началом того же лекаря. Помогли выйти больному и калеке, вытащили того, что без чувств. А на их место втолкнули кого-то нового, мелкого.

— Сиди тут тихо, барышня, — молвил лекарь. — Может, дело ещё и уладится.

Вышел, заложил засов.

Барышня? И впрямь, дочка уездного. Откуда она тут взялась? Не связана, вроде бы не сильно помята, хотя одёжка и порвана основательно.

— Не мог всё не испортить, да? — говорит девица сердито.

— Виноват. Хотел разобраться, что тут к чему.

— Разобрался? Я тебе про траву рассказала. А как теперь отсюда выбираться...

— Ты-то как здесь оказалась?

Дочка уездного пожимает плечами:

— Как-как? В заложницах. Сперва тот придворный пропал, потом ты, потом ещё и сыщик, но тогда я этого не знала. Когда твой челядинец приполз и шум поднял.

— Ёри жив?

— Худо-бедно. Взбудоражить всю управу его хватило. Отец совсем перепугался, а он со страху, видишь ли, храбрым делается. Собрался воевать с Бармоном. Одна надежда, что ради меня договорится. Если Дядька, конечно, захочет с ним разговаривать.

Помолчала и фыркает:

— А всё из-за тебя. Порубили-то сильно?

— Бывало хуже.

— Идти сможешь?

— Сейчас не знаю. Если развяжешь, попробую.

Подумала, подобралась поближе, стала возиться с узлами.

Киёхара размял руки, ноги, плечо, которому крепче всего досталось. Вроде всё работает, но сил маловато.

Зато хотя бы можно сесть, а не лежать, как бревно.

— Двое других... Господин Касуми и Намма, ты говоришь, пропали?

— Один да, совсем. То есть наоборот, безо всего: без вещей, без слуги, непохоже, что сбежал. Второй уже тут объявился, у Дядьки. Не знаю, зачем. Может, они заодно.

— Разбойники с Полотняным приказом?

На Севере могло быть так. Грамота с повелением усмирить такой-то мятежный род может оказаться у кого угодно. Но здесь... Странно.

— Да велика ли разница! — огрызается барышня.

Чистополец ненадолго задумался. Потом спросил:

— Послушай, но зачем этому атаману бой принимать? Уж чей бы он ни был человек. Отсюда он своих раненых забрал, ты видела. Может, просто уйдёт.

Девушка качает головой:

— Тебе тут не слышно, но он в барабан бил. Войско своё собирал.

— И правильно. Чтобы знать, в какую сторону уездный отряд пойдёт, ежели отец твой собрался их бить. А сами рассредоточатся кто куда, лови их потом по лесам... Здесь ведь и до земельной границы совсем недалеко, можно в соседний край уйти, в Охвостье.

— Ты меня не утешай! Если вправду так, то нам же ещё хуже. Думаешь, он отцу записку оставит: ищи, мол, гостя и дочку там-то? Как же! Так и сгниём здесь... Кстати: у тебя воды с собой нет?

— Воды нет. Но наружу-то мы выберемся. Или дверь выломаем, или крышу разворотим.

— Ха! Если нас тогда сразу не прихлопнут.

Киёхара прислушивается. Сторожа не слышать. Барабана, впрочем, тоже.

Дверь не поддаётся. Расшатать косяки постепенно можно, только что-то медленно выходит. Или наоборот, быстро в глазах темнеет.

— Эй! — окликает барышня. — Ты чего?

Неужели отключился? Но вроде ненадолго, за оконцем ещё светло. Девушка ворчит, ощупывая повязку:

— Кровь вроде не пошла, передохни просто... Чего тебя-то сюда принесло прошлой ночью?

— Хотел твоему батюшке того охранника выследить. Акутаро, что ли, его зовут?

— И как?

— Ну, он уже не один был. Когда мы с Ёри подросли, местные молодцы ему как раз морду били. Мы вмешались, слово за слово...

— Понятно. А сам Акутаро что?

— Не знаю. Упустил из виду по ходу драки. Когда меня сюда поволокли, его вроде бы не было.

— Хотела бы я знать, — задумчиво произносит барышня Гингэн, — на кого он на самом деле работает. И не только он — вообще, сколько народу из уездной охраны станут драться против Дядьки, а сколько — за него. Отец, кажется, решил это выяснить. Только бы Барамону сегодня не захотелось того же самого...

На самом деле, наверное, прошло уже достаточно времени, чтобы отряды столкнулись, если разбойники не отступили. Но говорить об этом не стоит.

— Если нас не найдут, но мы как-то выберемся, — без особой надежды говорит девица, — в Ключ не вернусь. И тебе тоже незачем: всё равно твой дружинник сейчас никуда ехать не сможет. Лучше уж сразу в Столицу. Может, только в храме передохнуть — монахов Дядька не трогает, а отец не берёт в расчёт.

— Я Ёри не брошу.

— А меня бросить — это честнее, да?

В общем, тоже уже нечестно выйдет. Надо что-то придумать. Впрочем, в любом случае потребуются лошади: девочка пешком далеко не уйдёт, да и сам Киёхара, похоже, тоже.

— Эй, ты там живой? — окликнули из-за двери. Надо было всё время прислушиваться: а сейчас и не поймешь, там один человек или несколько. Чистополец перевернулся, подхватил верёвки, натянул — будто лежит связанный, как утром. А то увидят, начнут стрелять прямо через проём — ещё и девчонку убьют...

Дверь открылась, видны косматая голова и плечи. За плечами — похоже, уже смеркается. Кажется, один.

— Чего тебе? — по-хозяйски спрашивает барышня. — Не лезь!

— Мала ты ещё к тебе лезть, — хмыкает разбойник. — Мне не ты надобна, а вот он. Который Чижика Лядащего положил.

Лука не видать. Чистополец глядит сквозь полусомкнутые веки, но не шевелится, лежит, поджав ноги. А девица удивилась:

— Кого-кого?

— Дружка моего, намедни. Дядька-то, может, этого малого и помилует для каких важных нужд. А я — нет. Не бойся, тебя не трону, запру обратно.

Забрался внутрь. В руке — нож, за поясом — топорик, а больше, кажется, ничего. Топором тут толком не размахнёшься, кровля низкая. Это хорошо.

Дед, старый Чистопольский воевода, говорил: с каждым оружием нужно упражняться равный срок, а без оружия — двойной. Если бы разбойник хотел глотку резать, совсем просто было бы, но тот, кажется, нацелился на живот. Сапогом — в колено, кулаком — в шею, и увернуться от ножа. Только вот отталкиваться ногою ещё больно.

Одновременно ухнул, заваливаясь вбок и назад, убийца и завопила барышня. Но, кажется, увернулась. Киёхара сгрёб её за что попало, потащил к выходу. Лишь бы этот мерзавец ножом кидаться не стал...

Не стал — ещё не пришёл в себя или не сообразил. Лезть отбирать нож у детины Чистополец не решился. Просто, когда они оба с девицей оказались снаружи, захлопнул дверь и заложил засов. Хотя этот пленник, пожалуй, быстрее управится с косяком, так что надо поспешить убраться отсюда.

22. Скверна

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Знамя у Барамона и впрямь чёрное с белыми письменами. Все знаки вроде понятные, а смысла нет. Может, правда по-индийски. Сколько у него народа, я так и не понял. По пути к нам присоединялись то десяток, то дюжина молодцов, но они ещё с кем-то перекрикивались, кого не видно. Когда дошли до опушки, с нами было больше полусотни человек, атаману подвели коня, остальные пешие.

Со стороны посёлка уже подоспел уездный начальник со своими людьми. У них конных больше, человек десять, считая Гингэна. А всего около двух десятков, у многих луки в руках. Разбойники вооружены кто чем, стрелки тоже есть, но вперёд не лезут.

Барамон мне кивает: идём, мол. Выезжает на несколько шагов. Я бы ещё задумался, следовать ли за ним, но меня подтолкнули сзади. Оглядываюсь — на виду осталось не больше людей, чем у уездного, прочие разбойники пока в лесу.

Атаман заговорил:

— И зачем ты явился со всей своей силою, господин уездный начальник? Если Полотняного чиновника ищешь, то вот он, живой и невредимый. Если северянина, тот пока у меня в гостях, тоже живой. Если двоих, которые у тебя на службе были, их из списков вычеркни: не выдам. Они у меня защиты попросили, я дал.

— Я не за ними, — откликается Гингэн. — Я за головой твоей, ничего мне больше не остаётся.

— Давно бы так, — усмехается разбойник. — И что ты у этой мудрой головы спросить хочешь?

Уездный продвигается на несколько шагов вперёд.

Атаман наполовину вытащил из-за пазухи барышнин рукав. Ждёт.

— Нечего мне теперь спрашивать. Вон, ответ с тобою рядом.

Барамон покосился на меня. Ну, да: это всё ещё я, барсуком не перекинулся.

Гингэн пошарил у себя в рукаве, вытащил какой-то свиток. Поднял, показал — хотя отсюда всё равно не видно печати.

— Долго я гадал, Дядька, кто за тобой стоит. У самого господина наместника спрашивал — тот отмалчивался. Сегодня вот у Полотняника это... изъял. Вопросов не осталось.

Обыскал отведённый мне покой? Но у меня свитков в такой обёртке не было! Или это что-то из бесчисленных Бановых бумаг?

— И кто же это? — спрашивает Барамон. Даже оглянулся за плечо, будто там и вправду есть кто-то, кроме его же приспешников.

— Нечего нам имена по ветру трепать, — уездный спрятал свиток обратно, а руку положил на рукоять сабли. — Всяко выходит: больше мне не получится уцелеть между двух таких больших да голодных зверей. Пять лет я продержался — и то чудо. Но казнить себя не дам.

— Кто ж о казни-то тут говорит, кроме тебя? И ладно, тебе жизнь не мила, так хоть ребят своих пожалей, или дочку, — атаман взмахивает в воздухе рукавом барышни Гингэн. — Барышня у меня и предлагает замирение. Возвращайтесь в управу по-хорошему, нем с тобой ведь, по сути, делить-то нечего. Девочку я тебе пришлю.

— Нам, может, и нечего делить. А вот твоему да моему начальству — видно, очень даже есть что. Если ты врешь и дочь моя так у тебя и останется,

живой или мёртвой, — это только отсрочка. Если правду говоришь и вернёшь — ну так когда господин Мино с меня голову снимет, куда она денется? Туда же, в лес? Или на наместничью милость полагаться прикажешь? — Гингэн вытащил саблю из-за пояса. — Так и так — погибать, так хоть помру как честный человек!

Наверное, с саблей — это был знак: уездные стрелки вскинули луки. Честно говоря, в меня ещё ни разу не стреляли вот так, по-настоящему. Я, однако, не испугался, тем более что в меня не попали. И в Барамона тоже, а вот сзади кто-то в кустах вскрикнул, и двое из передовых разбойников, что с нами рядом, упали. Один живой, бранится, а другой, кажется, уже нет...

Испугаться не вышло, а вот обозлился я сильно. Очень глупо: оказаться в бою, под обстрелом — и без оружия.

Атаман бросил рукав под копыта лошади, потянул уже свой меч, крикнул что-то и пустил коня к уездному. Снова стрелы свистнули мимо меня — теперь уже со спины, а вслед стрелам повалили сами разбойники. Едва с ног не сбили.

Я схватил какого-то малого — тот лук закинул за плечи, бежит с рогатиной или как такая снасть называется:

— Дай мне! Я стрелок!

Он оглянулся, зыркнул на меня в упор. Кажется, сказал что-то про то, кто я такой, а не стрелок. Но точно не помню, потому что потом он ударил...

...Как же жарко. И тихо. И никого. Наверно, по голове мне попали. Точно: шапки-то нет... Ох!

И вонь. Когда-то, давно... Старый господин, в усадьбе... Или где? На реке, у святилища? Вот эта вонь, ты из дома Конопля, ты должен, если почувешь, где бы ни был... Что должен? Бежать за... Ну, да, за кем-то. Это скверна по нашему счёту так воняет. Кто-то, стало быть, убит. Надо посмотреть.

Нет, не по голове. Или — не только. Вот ещё кровь, только стрелу я не вижу. Не выдёргивай сразу, — говорил... Кто говорил? Батюшка? Кто-то из наших? Из приказных? Не важно. Всяко нету стрелы, может, сама сломалась.

Или не моя кровь, только не понятно, что ж от одной скверны так болит, если раны нет. А кто ещё убит? Вот этот, рядом? Это он меня двинул, а я его насмерть? Нет, он-то застрелен вот, а я же не успел. Надо бежать, сказать, пусть никто из наших...

Пусть никто во дворец не идёт, потому что скверна? Где они и где сейчас я... Надо как-то сесть, что ли... Ох...

Кажется, понял. Это не от стрелы: от конского копыта. Наверно, лучше. И вокруг что? Всё то же место, опушка леса и луг. Никого живого, а убитых много. Четверо или пятеро только рядом, а дальше не видно.

И все молчат. Раненых то ли забрали, то ли добились. А меня почему нет? Ну, видно, я не дышал, когда они ушли. Куда, кстати? Вообще: кто победил и что теперь будет?

Вот у этого мертвеца платье казённое. Это, что ли, уездный начальник, как бишь его? У него в рукаве важная грамота. Там написано, кто такой Барамон. Или кто я такой. В общем, то, за что меня убить хотели. Если туда подобраться, вытащить... Нет, на ноги я не поднимусь. Тогда уж как во дворце, на карачках. Хоть облачение на мне не придворное, и то проще. Если меня с тем свитком найдут, сыщику Бану всё станет ясно. Или батюшке, когда ему расскажут. Что ж так тошнит-то?

Вот свиток, в траве, только я его сейчас весь измажу ещё больше. Разворачивать не буду. Печать сломана, но я такую где-то видел. Ну, да: Привольный край.

Зачем я вообще сюда поехал. До чего глупо. Посвататься хотел. К царевне. А загадку её всё равно не разгадал. А ссыльного и не было. В той сказке тоже плохо дело кончилось.

Надо бы помолиться. Или вспомнить, чего я по службе не успел. Как я в такую западню попался с этим выдуманным ссыльным. А вместо этого я в траве копошусь. Потому что они куда-то дели голову уездного. Тело вот оно, а голова где? Он говорил: нужна твоя голова... Или моя? Или чья?

— Таро! Таро... Паршивец ты! Таро...

Бабка та сумасшедшая. Вот её я запомнил, даже по голосу узнаю. Ходит, шарит по траве палкой.

— Помогите!

Не слышит. Говорят, бывает: тебе кажется, будто ты кричишь, а другие слышат только какой-то писк. Надо попробовать ещё раз, я встану – она меня заметит. Встану...

Как встал, так и сел. И в глазах темно. Зато теперь понятно: голова гудит и кружится, но и только, а вот в груди так болит, что не разогнёшься.

И старухи больше не слышно. Может, её и не было. Хотя нет, просто замолчала. А подолом по траве шуршит всё ближе.

Если с закрытыми глазами кричать — может, лучше получится:

— Эй! Я тут!

— Вижу, что тут, — говорит голос прямо над моей головой. Не старухин. Тоже женский, но молодой.

Придётся посмотреть. А то уж очень глупо я выгляжу: без шапки, весь в грязи, да ещё зажмурившись.

Она совсем близко. Ветер поднялся, как перед грозой. Платья на ней шевелятся. И не поймёшь: то они шёлковые, то простые домотканые, то новые, то ветхие. Узор незнакомый. Ни в Столице, ни тут такого не видел. И не соображу, что это за цветы белые. Лицо набелено и тоже ничего по нему не понять. И колышется на ветру, если так можно выразиться. Волосы длинные, как при дворе, распущены, только не расчёсаны, путаются под ветром. Красивая или нет? Не знаю. Царевна красивее.

— Это хорошо, — говорит она. — Все товарищи твои отступились, позабыли про любовь свою прежнюю. Новых милых по пути понабрались...

И продолжает нараспев:

— Десять лет его ждала. Объявляется: ни на год не постарел — а не тот уже! Вышит шёлковый кафтан не моей рукой, пахнет вышитый рукав семью девами! Будто в прежние года, улыбается, обращается ко мне полюбезному:

*Ключ Серебристый искал я три месяца — вот он и найден!
Только замка твоего так и не смог отворить.*

Эту песню я помню. Точно где-то слышал. Про неё надо было спросить...

— А дальше что?

— Посмотрела на него и расплакалась. Что побыло не моим — не моё навек. Уходи, мол, говорю, по-хорошему. Слишком длинную пришёл ты дорогою.

*В долгих скитаньях нашёл ты, наверное, Ключ Серебристый —
Только не много ль дверей ты по пути отомкнул?*

Лицо рукавом закрыла, отвернулась, собралась уходить.

— Ну, спасибо! — ору я ей вслед. — а толку-то теперь...

Это и есть отгадка. Да я всяко помираю, зачем мне?

Она, не оборачиваясь, молвит сварливо:

— Ничего ты не помрёшь. Тебе ещё моих детей плодить.

Плеснула подолом — и не видно её. И ничего не видно.

— Конопляник! Слышишь меня? Слышишь?

Да слышу. Хуже того: на ощупь чувствую. Не надо так трясти!

— Очнулся!

И фонарём в лицо не надо! И вообще: ты кто такой?

— Подвинься, — говорит другой голос, — посмотрю, что с ним.

И тоже знакомый. Этот хотя бы поосторожнее щупает. Лекарь, что ли?

Попробую ещё раз глянуть, если они фонарь убрали.

Ага, это монах. В Серебристом Ключе был монах, он же лекарь. Ещё был бой и меня ранило. Барамон позвал меня с собой, а потом бросил. Приказ меня сюда прислал за ссыльным, которого нет, а настоящее моё задание в грамоте, которая...

Я же её, кажется, находил. Ну, точно, вот она. В руке, вся мятая.

— Не дёргайся, — велит досточтимый. — И отпусти свиток. Я сейчас иголки ставить буду.

Прямо тут, на полянке среди мертвецов? Или куда они меня утащить успели?

Нет: тут, как я вижу, крыша. А небо вон где. Должно быть, храмовое крыльцо, вот мы где. Луна на ущербе. А была перед тем какая? Не помню.

Иголки так иголки. Я в этой китайщине всё равно ничего не понимаю. Авось, не добьёт.

— Так что с ним? Скоро сможет ехать? — спрашивает какая-то женщина.

— Ваш парень дольше пролежит, — отзывается монах. — Господин ушиблен сильно, но хотя бы кровью не истекал. И не сломано ничего.

То есть та кровь всё-таки была не моя. То есть я кого-то всё же убил, да не из лука, а в ближней схватке. И сам не помню, кого.

Зато насчёт скверны тогда всё ясно. В Столицу можно уже не ехать. Даже если окажется, что убил я разбойника, а не Государева человека...

Ещё один голос. Сколько ж их тут?

— Ёри-то оправится, досточтимый. Он и в худших переделках бывал.

— Ещё по крайней мере три дня никто никуда не поедет, — твёрдо говорит монах. — Там посмотрим.

— Авось к тому времени наместничьи люди ещё не подспеют, — отвечает женщина.

— Здесь никого не тронут. У наставника договорено...

Кажется, я понял, кто это с фонарём. Туманный господин. Только что он: в исподнем? И волосы острижены? Ему, что ли, тоже голову проломил?

И Чистопольца теперь вижу. Сидит рядом с дочкой уездного. Причём неприлично близко. Ох, а она-то знает, что у неё отец убит?

— Вот так, — говорит досточтимый, вытаскивая последнюю иглу. — Всё неплохо. Одно меня смущает: ты действительно пить не хочешь?

На самом деле хочу, просто не сообразил.

— Будь добр, — говорю. Вроде бы получается языком ворочать.

Поднесли чашку, напоили. Насколько мой собственный вид непристоен, я лучше даже думать пока не буду. Но мне кроме воды нужен свет — и чтобы вы все отошли куда-нибудь. Мне надо прочесть, что же в той проклятой грамоте написано.

23. Из бумаг рассыльного Бана

(Без обращения)

Направляю мой ответ одной особе, хотя и не сомневаюсь, что прежде он будет прочитан другою. Пример того, как низшие опережают высших! Вреда в том я не вижу, хотя доверие Конопляного господина к приказному чиновнику, явившему уже свои дарования на пути двурушничества, меня удивляет. Но ещё более удивляет недоверие ко мне, наместнику Привольного края, и моей родне. Божьим служителям, равно как и мирянам, без сомнения, ведомо, какой беспорядок и какая бесхозяйственность царили в Приволье до того, как наша семья взялась обустроить эту землю. Не могу сказать, чтобы это было простой задачей. Увы, не скажу также, чтобы Конопляный дом помогал её решить. Сейчас труды мои близки к завершению, годом позже или годом раньше я удалюсь на покой. Было бы опрометчиво, несправедливо и неблагодарно вверить заботы о Приволье людям посторонним, неосведомленным и не готовым к тому, с чем им здесь предстоит столкнуться.

И что же ты, чиновник Бан? Являешься ко мне под надуманным предлогом, заявляешь, будто намерен (твои слова) получить с меня старый должок. И я, по-твоему, должен поверить, будто ты в своё время отмалчивался на приказном следствии ради меня или (смешно повторить!) ради Приволья? Одно из двух: или это правда — но тогда ты лжёшь, будто привёз мне подлинную волю главы Конопляного дома. Или служил ты, как и служишь, дому Асано, но тогда — чем я тебе обязан? Кто верен двум господам, тот не верен ни одному. Но, положим, послание, доставленное тобою, не подложно, а сообразно печати, коей скреплено. Что из него следует? Что преемственность правления в моём краю противоречит (твои слова, Конопляник?) исконным обычаям Облачной страны и установлениям закона. Обычай же и закон перевешивают пользу и целесообразность. Не того, признаться, ожидал я. И коли так — что мне остаётся? Лишь обмануть и твои ожидания.

Отчего бы — как ты считаешь, Конопляник — мне, когда я вернусь в Столицу, промолчать о твоих подопечных? Сыновья младших ветвей дома Асано и других, монахи-расстриги, беглые поселяне — все те, кто разбойным самоуправством своим ввергает в страх Приволье, Озёрный край, ближний север от Подступов до Перевалов, восток до самой Серповой, юг до Медвежьих гор, шесть земель у Пролива, запад с гаванью Нанива — называю лишь те области, из которых у меня найдутся свидетели. Вскармливать и поощрять такие шайки — это ли значит следовать обычаю, соблюдать закон?

Иные говорят: нельзя назвать мятежом смуту, у которой нет главаря. Так чем же ты, Асано, не общий главарь всех этих шаек? Разбойники и их атаманы и вправду люди мелкие, но видя их силу — кто усомнится, что бесчинствуют они в тени человека большого, слажены и связаны крепкой сетью? Основа нашего Облачного обычая — равенство древних родов, что окружают Властителя Земель. Прежде никто не пытался (или не умел)

нарушить это равновесие в свою пользу. Каково будет Копейному, Коноплянному, Колокольному, Полинному, Обезьяньему домам узнать, что Конопляник расплодил по всей стране свору тайных чиновников — будто явных недостаточно! Каково Буревым, Туманным, Покровным, Ливневым и остальным родичам Облачного семейства будет услышать, что на островах наших завелась ещё одна правящая семья — вершит свой суд, взимает свои подати, а то и законы свои насаждает! А рады ли будут защитники наших рубежей в Чистополье, на дальнем севере и востоке, за Проливом, на Цукуси — узнать, что за спинами у них вооружилось войско посильнее любых дикарей?

Боги и люди знают, и ты тоже знаешь, что я умею быть другом своим друзьям. Но кто мне угрожает, как враг, с тем я обойдусь как со врагом.

*Мино Тоёхира,
Младший родич Облачного дома,
Наместник Привольного края*

24. Обратно

Намма-младший, делопроизводитель Полотняного приказа

Не верю. Не может такого быть.

Окликаю:

— Досточтимый! Что значит «Барамон»? Это ведь по-индийски?

— Да. Это значит «жрец» или «тот, кто следует за жрецами». В Индии жрецы-барамоны не ладили с приверженцами Просветлённого, ибо Чтимый в Веках говорил, что боги не всеильны.

Всё равно не может быть!

Что мне излагал атаман? Ясный и новый взгляд на страну. Со старцем Асано, самым древним в Столице, они друг друга просто бы не поняли. И господин Мино тоже не понимает: не может быть мятежом такое дело, за которым стоит Властитель Земель. А если не стоит, то должен стоять.

Нужно возвращаться в Столицу и составить доклад. Всё равно искать ссыльного бесполезно.

Только легко сказать — вернуться... Сам я оправился быстро, и Чистопольский господин тоже — но он ни в какую не желал отправляться без своего товарища, а тот был плох. Так что при храме мы оставались до конца месяца. Самое неприятное, что не одни: тут же досточтимый Горимбо пользовал ещё нескольких раненых и одного больного: двое — управские стражники, а остальные — явные разбойники. И как не передрались? Туманный господин монаху всячески помогал, да и дочка уездного тоже.

Впрочем, досточтимому я благодарен: он очень успешно прикрыл нас от земельных властей. Когда прибыли дружинники господина наместника, в храм они не явились — и нас то ли не затребовали, то ли монах сумел отговориться. Так что в посёлке я до отъезда вовсе не бывал.

Рассыльного Бана, господина Гингэна и других погибших, общим числом шестнадцать человек, предали погребению ещё до прибытия людей господина Мино. Как Бан погиб — я так и не понял, но, похоже, ещё до того, как разбойники разгромили уездный отряд и разорили управу. Начинать разбирательство я не стал: сообщу в Приказ, там и решат. Примерно половина нашего добра, что оставалось в управе, уцелела — не иначе, стараниями Кёгэна. Даже коней наших он успел вывести прежде, чем

заявились разбойники. Я Кёгэна поблагодарил, но ему это было слабым утешением.

Потому что господин Касуми внезапно решил обратиться к Трём Сокровищам: остриг волосы, решил пройти обучение при досточтимом, а потом просить о посвящении в монахи. Почему — я сам так и не понял, а объяснять мне Туманный не счёл нужным. Челядинцу своему, кажется, объяснил, но обычно болтливый Кёгэн на этот раз держал язык за зубами. Касуми написал своей знатной родне, я обещал письмо доставить. Станут расспрашивать — что я смогу ответить?

Так или иначе, этот мой соперник от сватовства отступился. А уже почти перед самым отъездом меня отозвал потолковать наедине Киёхара:

— Что я хотел сказать, делопроизводитель... Тебе удалось выяснить, что ты хотел — ну вот насчёт тех стихов?

А я и сам не знаю. Призрак ли старинной дамы мне явился на поле боя, или это у меня в голове мутилось? Но сам я такой песни точно не сложил бы, так что решил для себя: наверное, это и была возлюбленная Хиромаро.

— Удалось, — отвечаю.

— Я вот насчёт Сеть-травы тоже разузнал, за ней на Белую гору ехать надо. Но я — не поеду. И вообще...

— Что, — спрашиваю, — вообще?

— Не буду к царевне свататься. Дед, конечно, разгневаётся — но вот что я заметил. Каждый раз, когда меня чуть не убьют, я теряю немного страха перед ним. Всё равно, конечно, почитаю и боюсь, и перестану бояться, наверно, только когда пройду столько опасностей, сколько он сам на своём веку прошёл. Но вот тут — упрусь. Я в своём поколении не старший — могу хоть раз взять жену, какую хочу?

Набычился, покраснелся — того и гляди за оружие схватится. Кстати, первые дни в храме при нём сабли не было, а потом где-то раздобыл — хотя, по-моему, не прежнюю, а другую. Я же невозмутимо, учтиво спрашиваю:

— А какую же ты хочешь?

— А вот хоть дочь покойного Гингэна! Она, в конце концов, меня выручила. И пойти ей теперь вовсе некуда. Ждать милости господина наместника — это, знаешь ли...

Представляю, я бы на её месте тоже предпочёл Чистопольца. Девочка эта, кстати, о господине Мино может много знать, от отца и его сослуживцев, но расспросить её у меня не получилось. С нею вообще неловко: ну, устроилась пожить в келье, так хоть бы занавес какой повесила! А так — и не поговоришь с нею, неприлично!

Но намерения господина Киёхары мне понравились. Во-первых, повёл себя благородно, а во-вторых — тоже мне больше не соперник. Так что я его решимость всячески поддержал.

Кстати, из разговоров раненых я понял, что тот самый Акутаро вроде бы остался жив, но ушёл вместе с разбойниками. Куда — никто не знает, но явно за пределы Приволья. Когда земельные войска прибыли, их уже и след простыл. Единственный, кто остался, кроме раненых, — это барабанщик, он заходил несколько раз. Его спрашивают: «А ты что ж?» Он в ответ: «Кто свою нору бросит, по возвращении обнаружит в ней лисицу!» Всё-таки к местным поговоркам я никак не привыкну...

Чего у меня так и не получилось за всё моё пребывание в Серебристом Ключе — так это сложить хоть одну песню. Впрочем, я и не очень старался: зато сочинял постепенно доклад.

В последний день восьмого месяца Ёри сцепился с одним из разбойников. Их разняли, но господин Киёхара сделал вывод, что раз его дружинник способен драться, то и до столицы добраться сможет. Простились с досточтимым и Туманным господином и на следующий день отправились все впятером: двое Чистопольцев с Гингэновой дочерью, я и Кёгэн. Мне пришлось ехать в казённом платье — как мог, почистил его. Дорожное пропало в управе... Хорошо хоть, почти все бумаги у меня были с собой. Лук только жалко и стрелы. Но своего я не нашёл, а брат разбойничий не захотел.

Выехали на Восточную дорогу. Миновали заставу, движемся по Озёрному краю. Барышня на удивление хорошо держится в седле, всем бы дамам так. Носилки, конечно, понадобятся, но можно их будет нанять уже перед самой Столицей.

И вот, уже в виду Озера, видим: навстречу шагают старик с мальчиком. Оба с большими тюками за спиной. Причём это тот самый пожилой слуга ссыльного Тюхэна, которого меня просили в Приволье с собою прихватить. Не усидел, значит, дома, двинулся пешком навстречу господину?

А мне его и порадовать нечем. Разве что заново расспросить, точно ли барин его отбыл в ссылку именно в этот Серебристый Ключ, а не в другой какой-нибудь. Окликнул, а старик на нас смотрит с опаской. И похоже, не воинов боится, а меня.

Стал слуга поклоны бить, дёрнул мальчишку, чтоб тот тоже выказал уважение. Тот кланяется — старик уже распрямляться начал, головою парень зацепил его дорожную шляпу — да и сшиб. Так в пыль и покатилась.

Я спешиваюсь, подхожу помочь. И смотрю — у старика в точности такое ухо, рассечённое снизу, как описано в грамоте, что мне дал Барамон. Тут-то у меня всё и сложилось:

— Ссылный Тюхэн! — обращаюсь я к нему. — Прими Государеву милость!

Он так и сел. Даже не заплакал.

Потом снял с плеч тюк, поправил рукава, принял свиток по всем правилам. И восславил великодушие Властителя земель.

— Нам что ж, — спрашивает мальчик, — обратно поворачивать?

— Я уж и не знаю, — говорит Тюхэн. — Считаюсь я беглым или как?

Я рассуждаю:

— Нашёл я тебя вне пределов Приволья, и это плохо.

— Так я же с самого начала просил...

— С другой стороны, не вижу я, как можно бежать из ссылки, если ты этой ссылкой вовсе и не отбывал. Ты же все эти годы дома прожил?

— Каюсь, да...

Двадцать лет под обличем слуги скрываться — я бы не выдержал.

— Об этом умолчим, если не спросят. А что ты сейчас не в Серебристом Ключе, тому есть уважительная причина. Смута там началась, и ты правильно сделал, что не примкнул. Кто-то вместо тебя там жил?

— Никого, — отвечает старик. — Если кто и назывался моим именем, я о том ничего не знаю.

Кёгэн, похоже, ему не верит. Ну да ладно: я же не спрашиваю, кто таков на самом деле ты, незаменимый человек, и почему так легко бросил в дальнем храме царского родича.

В тюках у старика была, среди прочего, приличная одежда. На ближайшей станции он переоблачился сам и со мною поделился. Так что в Столицу мы вступили уже всемером и в достойном виде.

Кёгэн уговаривал меня сразу посетить Туманную усадьбу и передать письмо, но я счёл за лучшее отложить это до завтра. Сдал Тюхэна с рук на руки родне — и в Приказ.

Писари на меня глаза вытаращили:

— А тебя уже ищут!

И кто? Батюшка?

Прошёл к господину среднему советнику. Отец на меня смотрит, как на урода:

— Прошёл целый месяц. Где ты был?

— В Серебристом Ключе. Помилованного доставил, но...

— А где рассылный Бан?

— Погиб, — говорю. — В том уезде было беспокойно.

— Знаю, — кивает отец. — Уже от наместника пришло сообщение: взбунтовались тамошние охранники, уездный начальник их усмирил, но и сам голову сложил. Значит, и Бан тоже... Домой написать — у тебя okazji не было?

Вот оно как было представлено. И такая меня злость разобрала...

— Виноват, — говорю. — Немедленно примусь за составление доклада о происшедшем. Но прежде изволь взглянуть, какое послание покойному Бану перед самой смутой прислал господин Мино. Или не Бану. И потом давай вместе решим, кому его, письмо это, можно показывать, а кому — ни в коем случае. И что писать в отчёте для Приказа. Потому что господин наместник, боюсь, не сообщил в Столицу ни слова правды.

Отец развернул свиток — и брови у него поползли вверх. А я, пока он ещё не пришёл в себя, добавил:

— После же почтительно прошу тебя посетить усадьбу царевича Оу.

— Зачем?

— Я сватаюсь к его дочери. И у меня для них есть стихи.

25. Упорство

Барышня Лунный Блеск, дочь царевича Оу

Наверное, это всегда так, если попробовать жить по сказке. В чём-то у меня получилось даже лучше, чем у тамошней Лунной царевны, а в чём-то — гораздо обиднее.

Ждать ей, конечно, пришлось гораздо дольше, но и месяц с лишним, как у меня, — тоже немало. И, конечно, из странствий своих никто написать не соизволил. Зато, как я теперь знаю, все трое ответы на мои загадки разыскали. То ли я слишком простые задания придумала, то ли нынешние кавалеры умнее древних.

После первого письма я, конечно, разрыдалась. И разозлилась. Ну хорошо: Сеть-трава растёт на Белой горе. Но разве это причина для коварной измены? Я нянюшку попросила узнать про ту девицу — ничего особенного, из служилой семьи, красивая или нет — выяснить пока не удалось. Правда, нянюшка утешила: девушка, говорит, только что осиротела, отец у неё героически погиб в какой-то мелкой смуте там, в глуши, — а воин с Севера

явил внезапное мягкосердечие. Но со мной он всё равно повёл себя поистине гнусно! Впрочем, оно и к лучшему, наверно: раз он такой ветреник!

После второго письма тоже поплакать пришлось, но по-другому. На самом деле я так и думала давно уже, что матушка умерла. Не знала только, когда и почему. И что она, оказывается, была ученицей той дамы, которую любил Мимбу Хиромаро, — тоже не ведала. Но вот что меня поистине потрясло (этого в письме не было, это уже нянюшка от слуги Туманного господина выяснила) — это что господин Касуми был так тронут матушкиной судьбою, что решил принять постриг на её могиле и весь оставшийся век молиться о её благом рождении. Поразительная глубина чувств! Надо будет тоже обязательно съездить когда-нибудь в тот храм помолиться. И обменяться с молодым подвижником печальными строками.

Но хоть и нехорошо так говорить — всё же как-то не по себе, что он матушку, получается, мне предпочёл. Хотя и трогательно.

Но, по крайней мере, делопроизводитель Полотняного приказа явил упорство и целеустремлённость. Его письмо мне батюшка лично принёс. Немного попенял, что, не сказавшись, затеяла такое изыскание.

— Но, — молвит, — может быть, оно и лучше. Если бы ты мне сказала, я отправил бы на поиски ответа господину Мимбу кого-нибудь из даровитых учеников. И, если б тот преуспел, всю жизнь пребывал бы в сомнениях: уж не сложил ли юноша сам эту песню? А стихи этого делопроизводителя я видел, они слабы и подражательны, хотя и свидетельствуют о похвальной тщательности. Так что теперь у меня выбор из двух возможностей, и обе прекрасны. Или молодой Намма, как он тебе вот тут пишет, и впрямь встретился с духом той дамы, песня подлинна, а история поучительна. Или памятные места, связанные с господином Хиромаро, внезапно пробудили в нём дарование.

— Но он же, батюшка, сыщик! Может быть, и впрямь сумел узнать у местных поселян старинные предания...

— Которых те когда-то мне не соизволили поведать? — поморщился батюшка. — Впрочем, не исключено. Я пыток не применял...

Но всё равно видно, что доволен. И добавляет:

— Так или иначе, песня эта достойна обнародования. Обозначим пока: «И дама, говорят, ответила...».

И подмигивает.

Если бы этот молодой господин Намма ограничился песней — мне в пору было бы впасть в отчаяние. Однако же он своих намерений не оставил и в письме снова ведёт речь о сватовстве. Но чего-то при этом явно недоговаривает. Я поколебалась, однако решила поощрить его настойчивость и снова с ним встретиться, как в тот раз. Может, потому только он и остался верен цели, что из всех троих я сама лишь его и видела лично. Нянюшка заколебалась: второй раз кряду, не поймут ли превратно? Но я всё же настояла.

По нему сразу видно: странствие ему далось нелегко. Он даже с лица спал немного, хоть это его и не очень портит. Я потребовала, чтобы он рассказал про призрачную даму во всех подробностях. Тут странно получилось: с одной стороны, он явно путается и продолжает что-то скрывать. А с другой, я подумала: повстречайся я с настоящим приведением — разве я смогла бы потом описать его так складно, как бывает в страшных рассказах? Так что, наверное, это правда был призрак. Не каждая барышня может похвастаться, что ради неё такое пережили.

— Теперь моя участь, — сказал он, — зависит от двух решений. Во-первых, я подал доклад Государю. Во-вторых, выполнил условие молодой госпожи. С трепетом жду, что последует за тем и за другим.

Мне даже показалось, что ему очень хочется прямо тут, в саду, пересказать свой доклад. Но такого я, конечно, не допустила. Молвила:

— Полагаю, ожидание не будет долгим.

И удалилась.

На следующий день батюшка говорит мне:

— Меня посетил средний советник Намма из Конопляного дома, а с ним распорядитель танцев Гээн из дома Обезьян. Родной и названный отцы того самого юноши. Сватают тебя за него. Молодой Намма тебе, конечно, не ровня, однако показал себя неплохо. Я пока согласия не дал, не хочу тебя неволить.

— А меня и не надо неволить, батюшка.

26. Заключение

По двору храма Облачной рощи ходит с граблями сорокалетний монах в повседневном облачении, без лоскутного плаща. Ровняет дорожки. Рядом с ним, шаг в шаг, движется мирянин чуть моложе его, одетый, как подобает для недалёкого паломничества.

— И что Касуми-старший? — любопытствует досточтимый, не глядя на собеседника.

— Как всегда. Изволил расползтись туманом, хоть то и избитая шутка. Посетовал о волосах дитяти, погоревал о должности во дворце наследника, которая, увы, бездарно потеряна. Порадовался, что беда случилась не с кем-то из старших его сыновей. Не здесь будь сказано: ибо вступление на путь Просветлённого я бы, например, не назвал таким уж несчастьем... В итоге Туманный ничего не решил, а отправил меня к тебе. Ты же у нас монах, братец.

Человеку, известному под прозвищем Кёгэн Киго, позволительно именовать братом бывшего Властителя земель. Сам-то он наполовину царевич, побочный отпрыск Облачной семьи. Правда, на другую половину — простолюдин. Быть может, это ему пристало бы монашество, но он до сих пор мирянин. Законный же его брат принял постриг, когда отрёкся от престола.

— А парень — он всерьёз или с какого перепугу? — уточняет монах.

— Одно, я бы сказал, другому не мешает. Во всяком случае, когда я с ним расставался, боялся он меньше, чем при отбытии из Столицы.

— Ничто так не успокаивает, как похороны, когда ты сам — похоронщик. Впрочем, когда покойник, ещё лучше.

— Любовь, опять же...

— А наместник получил к себе в Приволье ценнейшего заложника. Да к тому же нежданного, он о таком и не просил. Сильно Мино упирался?

— Не знаю, у него сейчас вообще положение непростое.

— Кабы у него одного. Ладно: пусть наш новообращённый, как соберётся, явится ко мне. Вместе с тамошним монахом. Нужно, чтобы посвящение было несомненным, по всем правилам. Три наставника, семь свидетелей. В Приволье они десятерых достойных монахов не найдут. Южная столица всех способных повыбрала, а которые остались, те теперь расстриги. Кстати, с ними тоже надо что-то делать...

Глава Обрядовой палаты, старший в роду Асано, взглядывает на младшего родича поверх свитка.

Письмо перебелено рукой самого среднего советника Наммы. Подлинник, заляпанный кровью, нельзя было бы дать в руки жрецу.

— А наместник-то Мино, оказывается, клеветник, — задумчиво молвит старый Конопляник.

В который уже раз сыщик Намма отчитывается тут, в рабочем уголке господина Асано? И кажется, каждый следующий отчёт хуже прежних.

— Что ж, — продолжает старик, сворачивая бумагу, — Если Тоёхира хочет враждовать, я возражений не имею. Племянник его пока ни в чём не виноват: пусть будет наместником. Но не в Приволье, конечно. В Чистополье, что ли?

У Наммы, судя по тому, как топорщится воротник над склонённой головой, остались ещё вопросы. Глава дома догадывается, какие.

Лучший сыщик Полотняного приказа за те дни, что прошли с приезда Наммы-младшего, так и не нашёл никакой родни покойного рассыльного Бана. Ни вдовы, ни сирот, ни кого ещё, кому бы помочь. Напрасно суетился: Бан сам был сыщиком опытнее многих, если и завёл семью, то прятал её надёжно. Но если правда, что рассыльный с давних пор служил не столько Приказу, сколько Коноплянному дому, то наверняка что-то знает господин Асано...

— Не было у него другой семьи кроме вас, приказных. Что хотел бы на сирот пожертвовать, потратить на подчинённых, так честно будет.

— Не будет честно, — мрачно откликается Намма, — пока мы не найдём, кто и за что его убил.

Конопляник кивает:

— Одно из двух. Или вот за эту грамоту, и тогда искать уже некого. Тот и виноват, у кого в рукаве она найдена. Или всплывут другие Бановы бумаги — и у кого они объявятся, тот и лиходея.

— Или связан с лиходеем, — соглашается сыщик.

— Тогда и разберётесь. А пока за сыном своим присмотри.

Такое Намма слышит от главы дома в первый раз. Очень нехорошие слова.

Испугался — и к лучшему. Не то, пожалуй, спросил бы: а с чего, помимо пустой злобы, наместник Приволья взял ту напраслину, что возводит на Конопляный дом?

О старом Чистопольском воеводе недаром говорят, что в гневе он сущий демон. Лик красен, брови белы, глаза навывкате:

— Я тебе невесту подобрал? Подобрал! А ты её — на свалку?!

Младший воевода, почтительный внук, уже полчаса рта не раскрывает, только слушает. Начал дед с оружия, брони и коня. Можно подумать, ты с боями триста вёрст прошёл! Это ж надо было в мирных землях, на Восточной дороге всё добро пустить барсукам под хвост! А с дружинником что? Разбойники? Смута? Хреновый командир, вот что с ним стряслось!

Теперь добрался и до невесты.

— Нашёл, значит, себе сиротинушку? Чтоб во дворце тобою свояки не помыкали? Что отец её в бою пал — это к его чести. Но не к твоей!

Младший Киёхара кивает повинной головой.

— О должности новой не подумал! О деде родном не подумал! Так-таки в седло — и увёз!

У старого воеводы даже дыхание перехватило. Сидит, отдувается, двумя пальцами разглаживает брови. Потом ворчит:

— Ну, весь в меня... Ладно, что теперь поделывать...

Когда от тебя ничего больше не зависит и остаётся только ждать — это муторнее всего. Иные в таких случаях пьют — но это сейчас было бы совсем некстати. Другие идут на стрельбище — но лук делопроизводителя Наммы сгинул в Приволье, новый уже заказан, но ещё не готов. Некоторые вообще способны в таком состоянии слагать песни... А Намма-младший просто сидит, как болван, и всё у него из рук валится. Вот ведь сказал царевне, что будет трепетать в ожидании решения, — и точно, больше ни на что и не способен.

Отец и господин Гээн вчера ходили к царевичу Оу свататься. Тот сразу ничего не ответил прямо, а на что намекнул — тут мнения разошлись. Средний советник, как всегда, советует готовиться к худшему. Распорядитель танцев — уповать на желанное. Сегодня опять пошли — выслушивать ответ. И уже сколько часов их нету — два? Три?

Если уж не пить и не стрелять, так хоть пожевать что-нибудь можно. Вот мог бы господин Тюхэн прислать не только тканей и бумаги, а и пирожков каких-нибудь... Нет, не догадался. Есть, правда, старые рисовые колобки, твёрдые, как камень, — ну так их делопроизводитель уже сколько сгрыз? Ладно, ещё один...

Отворяется дверь, входит средний советник. Даже сквозь белила видно, что бледен, и рукав правый измят внизу, словно его комкали. Неужели царевич не просто отказал, но ещё и посмеялся?

Делопроизводитель вскакивает, с набитым ртом спрашивает:

— Ну, что? Согласился?

Намма-старший вздыхает:

— Царевич — да, благосклонно изволил принять наше предложение. Сейчас дело не в этом.

И, оглядев сына с головы до ног:

— Немедленно переодевайся. Прибыл посыльный из дворца. Тебя требуют к Государю.